

Е. Г. ЩУКО. ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ, СЕМЬЕ, БЛИЗКИХ

*(Вступительная статья, подготовка текста
и примечания М. М. Павловой)*

Аннотация: В публикации представлены воспоминания Е. Г. Щуко (внучки выдающегося зодчего В. А. Щуко) о детстве, отце и матери – архитекторе Г. В. Щуко и Л. Н. Черносвитовой, отчине – выдающемся органисте и педагоге И. А. Браудо, бабке О. Н. Черносвитовой (урожд. Чеботаревской), друзьях семьи: художнике-карикатуристе Б. Б. Малаховском, И. В. Щеголевой, Н. И. Альтмане, А. И. Порет и др. Очерк охватывает период с начала 1930-х до начала 1950-х гг.; автор воссоздает атмосферу сталинской эпохи, быт и настроения ленинградской элиты. Публикация сопровождается обширным комментарием.

Ключевые слова: В. А. Щуко, Г. В. Щуко, Л. Н. Черносвитова, И. А. Браудо, О. Н. Черносвитова, Ф. Сологуб, семья Б. Б. Малаховского, И. В. Щеголева-Альтман; архитектурная элита 1930-х гг., эвакуация в Пермь/Молотов (1942–1944).

Abstract: The publication presents the memoirs of E. G. Shchuko (the granddaughter of the outstanding architect V. A. Shchuko) about her childhood, her parents – the architect G. V. Shchuko and L. N. Chernosvitova, stepfather – outstanding organist and teacher I. A. Braudo, friends of the family: the artist-cartoonist B. B. Malakhovsky, I. V. Schegoleva, N. I. Altman, A. I. Poret, etc. The sketch covers the period from the early 1930s to the early 1950s, the author recreates the atmosphere of the Stalin era; the way of life and moods of the Leningrad elite. The publication is accompanied by an extensive commentary.

Key words: V. A. Shchuko, G. V. Shchuko, L. N. Chernosvitova, I. A. Braudo, O. N. Chernosvitova, F. Sologub, the family of B. B. Malakhovsky, I. V. Schegoleva-Altman; architectural elite of the 1930s, evacuation to Perm / Molotov (1942–1944).

Автору публикуемых воспоминаний посчастливилось родиться в высокообразованной, родовитой, интеллигентной семье. Сведения о предках и родственниках Елизаветы Георгиевны Щуко можно найти в Большой российской энциклопедии, в общедоступных справочниках по истории искусства, литературы, науки, революционно-освободительного движения.

Дед со стороны отца – Владимир Алексеевич Щуко (1878–1939) – выдающийся зодчий, академик (еще Императорской Академии художеств), воспитавший плеяду талантливых архитекторов, в их числе отец Елизаветы Георгиевны – Георгий (Юрий) Владимирович Щуко (1905–1960), автор проекта Главного павильона ВДНХ (1954; в соавторстве с Е. А. Столяровым). Павильон был построен на месте демонтированного «отцовского» (1939; авторы – В. А. Щуко и В. Г. Гельфрейх), памятного не одному поколению зрителей по фильму «Свинарка и пастух») И. Пырьева (1941).

Здания и памятники, возведенные по проектам старшего Щуко и под его руководством, стали неотъемлемой частью современного облика Петербурга и Москвы, например, доходные дома К. В. Маркова на Каменноостровском проспекте (№ 63 и № 65), пропилеи Смольного (в соавторстве с В. Г. Гельфрейхом), памятник В. И. Ленину на броневике перед Финляндским вокзалом (скульптор С. А. Евсеев) в Санкт-Петербурге, и т. д.; Большой Каменный мост в Москве и здание Библиотеки им. В. И. Ленина (в соавторстве с В. Г. Гельфрейхом), и многие другие.¹

Дед со стороны матери – Николай Николаевич Чернозитов (1870–1938) – ученый-электротехник, практик, учился во Франции в Высшей школе электричества, затем несколько лет работал инженером на заводах в Париже, занимаясь исследованием электрических установок. По возвращении в Россию был избран профессором Политехнического института и многие годы преподавал на электротехническом факультете. Его сестра – Софья Николаевна Чернозитова (1872–1934) первым браком была замужем за Платоном Васильевичем Луначарским (1867–1904) – братом А. В. Луначарского, врачом-хирургом, основателем тульской ячейки РСДРП, членом которой с 1898 г. была и Софья Николаевна, вторым браком – за Петром Гермогеновичем Смидовичем (1874–1935), видным революционером (похоронен в Кремлевской стене), двоюродным братом В. В. Вересаева. Вересаев посвятил Смидовичу мемуарный очерк в сборнике «Невыдуманные рассказы о прошлом» (1940; <главка> 9).

Бабка со стороны матери – Ольга Николаевна Чернозитова (урожд. Чеботаревская, 1872–1943)² – сестра писательницы и переводчицы Анастасии Николаевны Чеботаревской (1876–1921)³ – жены Федора Сологуба, и переводчицы Александры Николаевны Чеботаревской (1869–1925).⁴ Ольга Николаевна участвовала в подготовке «Полного собрания сочинений» Ги де Мопассана (в 30 т.), выходявшего под редакцией Ал. Н. Чеботаревской в издательстве «Шиповник» (1911–1912), ею был переведен роман «Пьер и Жан» (Т. 17).⁵

Анастасия и Александра ушли из жизни при трагических обстоятельствах (покончили с собой в результате обострения наследственного душевного

¹ См.: *Толстая И. А. В. А. Щуко* // Зодчие Москвы: XX век / сост. М. И. Астафьева-Другач, Ю. П. Волчок, А. М. Журавлев. М., 1988. Кн. 2. С. 109–116.

² См. о ней в нашей публ.: *Чернозитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба // *Неизданный Федор Сологуб: Стихи. Документы. Мемуары* / под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 221–226.

³ См.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Там же. С. 290–384; *Лавров А. В.* Новонайденные письма Анастасии Чеботаревской к Федору Сологубу (1907–1916) // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 398–421; *Павлова М. М.* Материалы к биографии Ан. Н. Чеботаревской: Литературная, художественная и театральная критика. Публицистика. Рецензии // Там же. С. 733–792.

⁴ Подробнее о ней см.: Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 238–295.

⁵ О переводческой деятельности сестер Чеботаревских см.: *Голлербах Е. А.* Семейные ценности: Федор Сологуб в издательстве «Пантеон» // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации / сост. М. М. Павловой. СПб., 2010. С. 44–58.

недуга).⁶ После гибели Анастасии, исполняя ее предсмертную волю, Ольга Николаевна взяла на себя все заботы о Сологубе. В семье Черносвитовых (они жили на углу Ждановской набережной и Малого проспекта П. С., в доме № 3/1) писатель провел свои последние годы (1921–1927).⁷ Здесь, на Ждановке, в 1925–1926 гг. у него собирался кружок ленинградских поэтов-неоклассиков (Л. И. Аверьянова, М. В. Борисоглебский, Е. Я. Данько, В. В. Смиренский и др.), бывали А. Ахматова, Ю. Н. Верховский, О. А. Глебова-Судейкина, Е. И. Замятин, Л. В. Пумпянский, Иванов-Разумник, К. А. Сомов и др.

После кончины Сологуба весь его богатейший архив Ольга Николаевна передала в Пушкинский Дом (РО ИРЛИ, ф. 289),⁸ а позднее – архивы сестер: Анастасии (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 4 и оп. 5) и Александры (РО ИРЛИ, ф. 189).⁹

По примеру Ольги Николаевны Елизавета Георгиевна также передала в Пушкинский Дом отложившиеся у нее семейные документы: уникальные фотографии, рисунки и акварели деда и отца, письма и др. (фонд семьи Щуко: № 922).

В дополнение к полученным материалам со слов Елизаветы Георгиевны мы записали ее рассказ о детстве, ближайших родственниках и друзьях родителей. Очерк охватывает период с начала 1930-х до начала 1950-х гг. Елизавета Георгиевна рассказывает о поре своего младенчества и раннем детстве сначала в доме деда и бабки (Черносвитовых) на Ждановке, затем на улице Герцена; домашних детских праздников; поездках в Москву (в 1933 г. Ю. В. Щуко был переведен в мастерскую отца для работы над проектированием Дворца Советов),¹⁰ об архитектурном доме на Можайке (Можайском шоссе, д. 57-а), занятиях балетом; вспоминает первые дни войны, застигшие ее вместе с бабушкой Ольгой Николаевной на даче в Парголово, первый воздушный бой над Финским заливом, за которым они наблюдали 22 июня 1941-го; отъезд

⁶ См.: Воспоминания Т. Н. Черносвитовой о смерти А. Н. Чеботаревской-Сологуб, записанные Л. Н. Щуко / публ. М. М. Павловой // *Memento Vivere*. Сборник памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 494; о гибели Ал. Н. Чеботаревской см. во вступ. статье А. В. Лаврова к публикации, указанной в примеч. 4.

⁷ Об этом периоде см. в нашей публ.: *Черносвитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба. С. 221–226; см. также: Письмо В. П. Белкина к А. С. Ященко от 2 мая 1922 г.: *Флейшман Л., Хьюз Р., Хьюз-Раевская О.* Русский Берлин: 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-PRESS, 1983. С. 267–268.

⁸ Об истории передачи архива Сологуба в Пушкинский Дом в 1928 г. см.: *Иванов-Разумник*. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки / Вступ. статья, сост. В. Г. Белоуса, коммент. В. Г. Белоуса, А. В. Лаврова, Я. В. Леонтьева. М., 2000. С. 39–40; Письмо О. Н. Черносвитовой Т. Н. Чеботаревской / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 317–320. Ольга Николаева продолжала трудиться над сбором и систематизацией архива вплоть до последних дней. В письме к Ю. В. Щуко в Москву от 2 дек. 1940 г. Лидия Николаевна сообщала: «Мама очень волнуется и огорчается, что я так скоро еду, что ты недоволен и т. д. Сама она со мной ехать никак не может из-за архива, который разбирается бесконечно, причиняет массу волнений и огорчений тоже, а главное утомил маму ужасно, иногда она еле двигается к вечеру» (архив Е. Г. Щуко).

⁹ См.: РО ИРЛИ. Дело фонда № 289.

¹⁰ О неовплощенном проекте см.: *Великанов Александр*. Дворец Советов: Создание невозможного. М., 2014; *Полякова А. Л.* Минувшее проходит предо мною... М., 2010. С. 15–16.

в эвакуацию, жизнь в Молотове (Перми) вместе с Мариинским театром (тогда ГАТОБ им. С. М. Кирова), появление на свет сестры; возвращение в 1944-м в разрушенный Ленинград; год, проведенный в Москве у отца, празднование Дня Победы; летнюю поездку вместе с семьей в Сортавала в Дом творчества композиторов в 1947 г., поступление на географический факультет Ленинградского университета.

Главные действующие лица воспоминаний: отец, мама – Лидия Николаевна Шуко (урожд. Черносвитова, во втором браке – Браудо; 1908, по др. свед. 1907–1985), отчим – известный органист, музыковед и педагог Исайя Александрович Браудо (1896–1970),¹¹ младшая сестра Настя,¹² их ближайшие друзья: Ирина Валентиновна Щеголева-Альтман (урожд. Тернавцева; 1906–1993; в первом браке жена П. П. Щеголева;¹³ во втором – художника Нагана Исаевича Альтмана; 1889–1970);¹⁴ семья ее сестры Муси – Марии Валентиновны (урожд. Тернавцевой; 1904–1948)¹⁵ и талантливого художника-карикатуриста и книжного иллюстратора Бронислава Брониславовича Малаховского (1902–1937).

Об этом дружеском круге вспоминал И. Л. Андроников: «В конце 1920-х – первой половины 1930-х годов дом Малаховских в Ленинграде, на Ждановке, привлекал множество талантливейших людей – художников, писателей, ученых, актеров... Жена Малаховского – Мария Валентиновна и жившая вместе с ними ее сестра Ирина Валентиновна Щеголева – молодые женщины неправ-

¹¹ См. о нем: *Ковнацкая Л., Миценко М.* Артист, педагог, ученый // Браудо Исайя. Артикуляция: Об органной и клавирной музыке / сост. А. И. Браудо. СПб., 2014. С. 3–18.

¹² *Браудо Анастасия Исаевна* (род. 1942) – органистка, клавесинистка; с конца 1970-х гг. живет на Западе, успешно концертировала в России, Бельгии, Голландии, Франции, Германии, Италии и др. странах, участвует в программах фестивалей в Париже, Бордо, Мадриде, Кельне, Бонне. Почетный член жюри Международного конкурса органистов им. И. А. Браудо в Санкт-Петербурге.

¹³ *Щеголев Павел Павлович* (1903–1936) – профессор Ленинградского университета, ученик Е. В. Тарле, историк Западной Европы XVI–XIX вв.; сын историка общественной мысли и литературы, пушкиниста Павла Елисеевича Щеголева. Был женат дважды – на И. В. Тернавцевой (разведен в 1931 г.), с 1931 г. – на Антонине Николаевне Изергиной (1906–1969), сотруднице Эрмитажа, специалисте по немецкому и французскому искусству.

¹⁴ В конце 1935 г., расставшись со второй женой (балериной Ириной Петровной Дега; 1907–1989), Альтман вернулся из Парижа, где находился с 1928 г., в Москву; в 1936 г. женился на И. В. Щеголевой и переехал в Ленинград. Они поселились в доме на углу Лесного проспекта и Кантемировской улицы (прожили там 35 лет, ныне на этом доме установлена мемориальная доска).

¹⁵ Отец И. В. Щеголевой-Альтман и М. В. Малаховской – Валентин Александрович Тернавцев (1866–1940) – богослов, религиозный мыслитель, член Синода, один из организаторов Религиозно-философских собраний в Петербурге (1901–1903). По словам З. Гиппиус, «один из замечательных людей того момента», «богослов-эрудит, пламенный православный» (*Гиппиус-Мережковская З. Н.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С.94); см. также ее очерк «Первая встреча (К истории Петербургских Религиозно-Философских Собраний 1901–1903 гг.)» (*Гиппиус З. Н.* Неизвестная проза: в 3 т. Т. 3: Арифметика любви / под общей ред. А. Н. Николокина. СПб., 2003. С. 361). В 1923 г. Тернавцев был подвергнут административной высылке в Тобольск, затем в Сургут, по возвращении в 1926 г. жил в Серпухове под Москвой, последние годы посвятил главному труду жизни – «Толкование на Апокалипсис Иоанна Богослова» (не опубликован).

доподобной красоты и редкого обаяния, талантливые, веселые, остроумные,¹⁶ и сам художник в своем доме в кругу Толстых, Радловых, молодых Щуко, Хижинских, Осмеркиных, Рины Зеленой, Марии Конисской... Когда-нибудь об этой творческой атмосфере будут по крупице собирать сведения будущие искусствоведы. Помню у Малаховских и <...> В. В. Маяковского» и т. д.¹⁷

Среди поименованных лиц особого комментария заслуживает Лидия Николаевна. В разных вариациях ее имя (Черносвитова, Щуко, Браудо) эпизодически встречается в воспоминаниях и в переписке современников, однако никаких более или менее определенных сведений о ней, за редким исключением, в публикациях мы не найдем.

В 1992 г. к Елизавете Георгиевне через И. В. Щеголеву обратилась сотрудница РГАЛИ Ксения Николаевна Кириленко, в связи с подготовкой издания «Телефонной книжки» Евгения Шварца она спрашивала: «Вы упоминаетесь в записи о Лидии Николаевне Щуко. Я не знаю год Вашего рождения <...>. Что мне написать о самой Лидии Николаевне? Я не знаю ни ее дат, ни рода занятий. Она была только женой? Дат жизни Бориса Владимировича Щуко у меня тоже пока нет, но их можно найти. <...> Вы упоминаетесь в таком контексте.

¹⁶ Эти качества сестры, вероятно, унаследовали от отца. Выразительный портрет Тернавцева оставила З. Гиппиус: «Высокий, плечистый, но легкий, чуть-чуть расхлябанный, но не по-русски, а по-итальянски (как бы «с лендой»), чернокудрый и чернородый, он походил иногда на гигантского ребенка: такие детские у него были глаза и такой детский смех. <...> Замечательна его талантливость, общее пыланье и переливы огня. Оратор? Рассказчик? Пророк? Все вместе. От пророка было у него немало, когда вдруг закигался он заветной какой-нибудь мыслью. Мог и внезапно гаснуть, до следующей минуты подъема» (*Гиппиус-Мережковская З. Н.* Дмитрий Мережковский. С. 94–95).

¹⁷ *Андроников Ираклий.* Обаяние таланта // Б. Б. Малаховский / сост. И. В. Щеголева-Альтман. Л., 1978. С. 28. См. также: *Вейс З. А., Гречнев В. Я.* С Маяковским по Санкт-Петербургу. СПб., 1993. С. 213–214. В доме на углу Ждановской набережной и Малого проспекта (дом № 3/1) Алексей Николаевич *Толстой* и Наталья Васильевна Крандиевская (1888–1963; третья жена писателя, 1914–1935) жили с 1925 по май 1928 г., после их переезда в Детское Село (до 1918 г. – Царское Село, с 1937 г. – г. Пушкин) в этой квартире поселились Малаховские. Упоминаются: *Радлов Николай Эрнестович* (1889–1942) – художник, искусствовед, педагог, его жена – Шведе Надежда Константиновна (урожд. Плансон; 1894–1944); *Хижинский Леонид Семенович* (1896–1972) – художник, график, гравер, иллюстратор, в 1922–1927 гг. обучался во ВХУТЕИНе на графическом факультете, ученик В. М. Конашевича и Д. И. Митрохина; *Осмеркин Александр Александрович* (1892–1953) – художник, участник художественной группы «Бубновый валет», в 1932–1948 гг. – профессор и глава мастерской Ленинградской Академии художеств (в 1948 г. отстранился от преподавания в связи с выдвинутым против него обвинением в формализме и пропаганде современного западного искусства), его жена – Гальперина-Осмеркина Елена Константиновна (1903–1987) – мастер художественного слова; *Рина Зеленая* (наст. имя. Екатерина Васильевна Зеленая; 1901–1991) – актриса театра, кино и эстрады; *Кониская Мария Юрьевна* (1904–1995?) – обучалась во ВХУТЕИНе на графическом отделении; первым браком была замужем за племянником В. А. Щуко – Ростиславом Васильевичем Карповым (их дочь – Ксения), до войны занимала комнату в квартире семьи Щуко на Каменноостровском проспекте, д. 13; ближайшая подруга Л. Н. и Ю. В. Щуко, И. В. Щеголевой-Альтман, семьи Малаховских; после войны вышла замуж за известного фольклориста и музыковеда Льва Николаевича Лебединского (1904–1982). См. ее воспоминания, в которых упоминаются все выше названные лица: «Злые годы» (Новый мир. 1992. № 6. С. 65–102).

Он пишет о Щуко: “И у нее (Гули. – М. П.), и у Настеньки такой аппетит, что Ирина Альтман со складностью речи, свойственной всему кругу, говорит, глядя на них за столом: “Необыкновенно жоркое семейство”. И Лидочка хохочет” (архив Е. Г. Щуко). В том же письме К. Н. Кириленко просила сообщить год смерти А. И. Порет и т. п.

Елизавета Георгиевна писала в ответ: «...Лидия Николаевна Щуко (урожд. Черносивитова) родилась 12.6.1908 г., умерла 4.7.85 г. В молодости училась в техникуме? училище? при Академии Художеств в Ленинграде, окончила графическое отделение. Практически не работала, т<ак> к<ак> в 1929 г. вышла замуж за моего отца, Щуко Георгия Владимировича, а в 1931 г. родилась я. Отец мой был архитектором (1905–1960 гг.). В 1941 г. моя мать развелась с отцом и вышла замуж за профессора органа Исайю Александровича Браудо (1896–1970 гг.). В 1942 г. у них родилась дочь Анастасия, о которой идет речь в цитате. В настоящее время она с семьей живет во Франции. <...> Даты жизни моего дяди Бориса Владимировича Щуко: 1906–25.7.65 г. Год смерти Алисы Ивановны Порет знает общая ее и мамина подруга Мария Юрьевна Конисская, живущая в Москве, тел. 249-56-54 <...>. Год рождения Ирины Валентиновны – 1908...».¹⁸

В «Телефонной книжке» Шварца рассказ о матери Елизаветы Георгиевны занимает четыре страницы, пожалуй, это единственный развернутый словесный портрет, оставленный современником. Шварц вспоминал: «...в телефонной книжке записана **Лидочка Щуко**, а с ней познакомились мы по-настоящему именно в то лето в Сухуми. Надвигались времена тяжелые, убийственные для всей страны годы. Но в данном случае события не отбрасывали тень назад. Или мы упорно не хотели замечать ее. И вот встретили мы большую, подчеркнуто веселую, все время шутивно и отчетливо болтающую компанию: Рину Зеленую, Котика Топуридзе, Алису – вдруг вышибло фамилию из головы и Лидочку Щуко. Они до настоящего времени, когда все мы уже в летах, не потеряли этой юношеской особенности: держаться одной стаей. Так и в гости ходят. Язык у них у всех был одинаково хорошо подвешен. Особенно Алиса. Держалась она уверенно и болтала насмешливо, даже издевательски, при этом глядела на собеседника, наивно и широко открыв глаза. На пляже, сохраняя все то же наивное выражение, однажды

¹⁸ Письмо Е. Г. Щуко К. Н. Кириленко от 26.08.1992 (архив Е. Г. Щуко). Упоминается: *Порет (Портрет; Портрет) Алиса (Алиса-Екатерина Ада)* (1902–1984) – живописец, график, ученица К. С. Петрова-Водкина и П. Н. Филонова, дружила с Д. Хармсом. Обширный мемуарный очерк о ней см. в кн. А. Поляковой – ученицы А. И. Порет и подруги Е. Г. Щуко: *Полякова А. Л.* Минувшее проходит предо мною... М., 2010. С. 143–159 («Художник Алиса Ивановна Порет»). Ответное письмо К. Н. Кириленко от 26 авг. 1992 г.: «Я очень благодарю Вас за письмо. Ведь эти сведения я нигде не могла найти. Вы помогли мне справиться с этой задачей. Больше того, Вы уберегли меня от грубейшей ошибки – у меня были сведения из ненадежных источников, что Вашим отцом был Борис Владимирович. Поэтому я и искала годы его жизни. Сейчас все стало на свои места. Сердечное Вам спасибо. Борис Владимирович не упоминается у Шварца, в тексте дневника упоминается только глухо – муж Лидии Николаевны. Господи, как хорошо, что Вы написали мне! Я обязательно внесу в комментарии все даты, которые Вы мне сообщили. Это еще не поздно. ...» (Там же).

сняла лифчик и лежала с открытой грудью, будто так и положено. В это лето и начался роман Рины Зеленой и Котика, кончившийся браком. Вся компания страстно любила жизнь. И не слишком ее усложняла. Но проще и здоровее всех – смотреть одно удовольствие – жила Лидочка Щуко. Лицо с выражением ясным, очень русское, карие глаза. Плавала она так далеко, что мы всякий раз испытывали тревогу – никаких признаков, даже точки на горизонте. Но вот мелькает голова, рука. <...> Вернулась! И выходит из воды плотная, ладная, легко дыша и улыбается всем загорелым своим лицом. Светятся карие глаза. Родом Лидочка из семьи Чеботаревских. Родная тетка ее была женой Сологуба. Когда приехал я в октябре 21 года в Петроград, то на Невском увидел на углу одного из домов наклеенное от руки объявление – просили всех, видевших, как бросилась с Тучкова моста женщина, сообщить о подробностях по такому-то адресу. По странному совпадению был указан тот самый многоэтажный дом, выходящий на Средний проспект и набережную, глядящий окнами на Тучков мост, где остановился я у Юрки Соколова, когда приехал в первый раз в жизни в 14 году в Петроград. Там жил Сологуб, а женщина, покончившая с собой, – Лидочкина родная тетка. И глядя, как легко дышит Лидочка, выходя из воды, можно было подумать, что никакими нитями не связана она со стихией, в которой прошло ее детство. И старик с плоским лицом, похожий и на римского императора и на бабу, замечательный поэт, темнейшая душа – никак не влиял на нее в свое время. После Сухуми встречалась мы в Ленинграде от случая к случаю. Во время войны развелась Лидочка с мужем и вышла за известного органиста Браудо. И от этого тощего, высокого, капризнейшего, утонченнейшего, уязвимейшего и до деспотизма нежнейшего существа – родила Настю, здоровенную девочку, с очень русским лицом и карими глазами. После войны познакомились мы с Лидочкой ближе, даже перешли на ты. Она по-прежнему радовала всей своей повадкой. Она не плавала до самого горизонта, но вела семью и какую! Взрослая дочка от Щуко, Гулька, ссорилась с младшей сестренкой, как со сверстницей. Браудо завивался вихрями. Не было случая, чтобы Лидочку не вызвали к телефону, когда она приходила к нам в гости. Снимаю трубку, слышу рыдания – Настя зовет маму, жалуется на Гульку или какие-нибудь неприятности в школе. Или изысканно вежливый Браудо, принося извинения, просит к телефону Лидию Николаевну. И Лидочка рассказывает потом весело, по какому поводу она срочно понадобилась...».¹⁹

Воспоминания Елизаветы Георгиевны, переписка ее родителей и большой корпус семейных фотографий, на которых молодые Щуко соседствуют с Н. Альтманом, И. Щеголевой, Н. Радловым, Малаховскими, Риной Зеленой, А. Порет, К. Струве, Л. Рудневым, Г. Селюгиным, А. Великановым, З. Брод,

¹⁹ Шварц Евгений. «Телефонная книжка» / сост. К. Н. Кириленко. М., 1997. С. 495–497. ...наклеенное от руки объявление... – Рукописные объявления (рукой О. Н. Чернозитовой и рукой Сологуба) сохранились в архиве: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, ед. хр. 174. ...дом, выходящий на Средний проспект и набережную... – Ошибочно; подразумевается дом № 3/1 на углу Ждановской набережной и Малого проспекта Петроградской стороны. Упоминаются: Соколов Юрий Васильевич (1895–?) – художник, друг Шварца. Топуридзе Константин Тихонович (Котэ) (1904–1977) – архитектор, муж Р. В. Зеленой.

А. Нератовым, Л. Поляковым, Н. Брюхоненко, Рене О'Коннель²⁰ и другими, существенно дополняют словесный портрет Шварца, позволяют по-новому увидеть личность Лидии Николаевны, ее редкий дар – дружить с талантливыми людьми и празднично организовывать их жизнь.

В 1933 г. В. А. Щуко вместе с его постоянным соавтором и спутником Владимиром Георгиевичем Гельфрейхом (1885–1967) перевели на работу в Москву для участия в разработке проекта Дворца Советов.²¹ «Вторым эшелон» за мэтрами поехали помощники и молодые архитекторы, работавшие под их руководством. А. П. Великанов был назначен бригадиром фасадов, И. Е. Рожин – главного фойе, А. Ф. Хряков возглавил бригаду проектировщиков большого зала, Ю. В. Щуко – малого зала, и т. д. Эти должности они занимали с середины тридцатых вплоть до остановки строительства с началом войны.²² Проследив историю проектирования Дворца Советов, ставшего одним из наиболее макаберных и многозначных символов советской эпохи, А. А. Великанов (сын архитектора) нашел чрезвычайно емкую метафору: «В повести А. Платонова “Котлован” все действие построено вокруг постоянно расширяемого котлована под здание “дома прекрасного будущего”. Котлован расширяют, и этому нет конца, строить здание так и не начинают. Это и есть точная история Дворца Советов. Началось с зала на 8000 мест, увеличилось до зала на 20 000 мест. Началось с невысокого – кончилось “памятником Ленину” высотой более 400 метров» и т. д.²³

С 1934 г. семья Ю. и Л. Щуко жила между Москвой и Ленинградом. Сначала приглашенные для проектирования Дворца Советов ленинградцы ютились в общежитии на Ленивке (д. 4). В 1937 г. для архитекторов были построены два дома в районе Дорогомилова, в доме № 26 по 2-й Извозной улице (позднее – Можайскому шоссе, д. 57-а, ныне Студенческой ул.). В одном подъезде поселились сразу несколько семей из Ленинграда: семьи Ю. В. Щуко (Лидия Николаевна с Гулей переехала в Москву), А. П. Великанова, Л. М. Полякова, А. Ф. Хрякова и З. О. Брод, Г. В. Селюгина²⁴ и др.

«Это была молодая и веселая компания архитекторов, художников, актеров, музыкантов <...>, – вспоминает Анна Леонидовна Полякова, дочь Л. М. Полякова. – Для детей устраивали спектакли, где главным заводилой был Юра Щуко, сын академика, тексты писала его жена Лида, а главными актрисами

²⁰ См. примеч. ниже и к тексту воспоминаний.

²¹ Об истории проектирования и начале строительства легендарного здания см.: *Великанов А. А. Дворец Советов: создание невозможного*. М., 2014.

²² Там же. С. 12. Архитекторы, выпускники ВХУТЕИНа, ученики В. А. Щуко, В. Г. Гельфрейха, И. А. Фомина, работавшие над проектом Дворца Советов: *Великанов Александр Петрович* (1900–1955), см. книгу его сына: *Великанов А. А. Дворец Советов: Создание невозможного; Рожин Игорь Евгеньевич* (1908–2005); *Хряков Александр Федорович* (1903–1976).

²³ *Великанов А. А. Дворец Советов: создание невозможного*. С. 13.

²⁴ Выпускники ВХУТЕИНа, ученики В. А. Щуко, В. Г. Гельфрейха, И. А. Фомина, работавшие над проектом Дворца Советов: *Поляков Леонид Михайлович* (1906–1965), см. о нем: *Журавлев А. М. Л. М. Поляков // Зодчие Москвы: XX век / сост. М. И. Астафьева-Другач, Ю. П. Волчок, А. М. Журавлев*. М., 1988. Кн. 2. С. 319–326; *Брод Зоя Осиповна* (Иосифовна; 1907–1972) – жена А. Ф. Хрякова (см. примеч. 22); *Селюгин Глеб Владимирович* (1906–1966).

были их дочь Гуля и я. Мы разыгрывали настоящие представления по детским книжкам и сказкам – “Золотой ключик”, “Красная шапочка” и др. Гуля играла роль Буратино, я роль Мальвины, роль волка исполнял Юра Щуко).²⁵ Выбор пьесы, вероятно, был неслучаен: в 1936 г. в ленинградском отделении издательства «Детская литература» вышла в свет книга А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино», с иллюстрациями Б. Малаховского.

В 1930-е гг. многие увлекались постановочной фотографией. В семейном архиве Щуко сохранилось множество подобных артефактов (тема, заслуживающая специального очерка). Костюмы для этого веселого занятия изобретала Лидия Николаевна, ей помогали – Ирина Альтман и Алиса Порет, шили из подручного материала. «Увековечил» постановки «Шура Великанов» (А. П. Великанов).

Названия постановок: «Петр и Алексей» (исполнители: И. Альтман и Ю. Щуко), «Мольер» и «Аббат» (Ю. Щуко), «Дворник и горничная» (Л. Щуко и А. Порет), «Коммунальный скандал» (А. Порет, К. Струве, Л. Щуко), «Красотки кабаре» (Л. Щуко, К. Струве, А. Порет), «Сонечка Мармеладова и Свидригайлов» (Л. Щуко и Л. Руднев), «Три мушкетера» (А. Порет, Рене О’Коннель, Л. Щуко), «Деревенская свадьба» (Н. Брюхоненко и Г. Селюгин), «Казак и казачка» (Рина Зеленая и Л. Щуко), «Картина Сомова» (А. Нератов и А. Порет), «Безутешная вдова» (А. Нератов и Л. Щуко), «Шулера» (Н. Радлов и Л. Руднев), «Испанки на бое быков» (Л. Щуко, З. Брод, А. Порет, Р. Зеленая)²⁶ и т. д.

Когда смотришь на эти фотографии и видишь брызжущие жизнелюбием, озорством, творческой энергией лица (чего стоит, например, фотография Ю. Щуко с огромной бутылкой водки, сверху надпись – напутствие пятилетней Гули: «Папа – не пей водки!»), в сознании невольно возникает «задник» эпохи. У многих участников этого буйного «пира» кто-то из близких в это время был арестован, осужден на «десять лет без права переписки», расстрелян, жены отправлены в ссылку, дети – в детдома.

Подруга Лидии Николаевны М. Ю. Конисская (Маляша) впоследствии вспоминала: «Шел 1937 год. Только при нашей потрясающей беспечности мы не думали о последствиях такой жизни. И развязка наступила. В то время как Слава (Б. Малаховский. – *М. П.*) с семьей отдыхал в деревне, к нему в квартиру нагрянули с обыском. В доме ничего не нашли. Славу схватили в деревне. Больше мы его никогда не видели. Вскоре он был расстрелян. Об этом узнал Толстой, который отказался за него вступиться. “Ты же хорошо знаешь Славу”, – говорили ему. – “Мало ли с кем я в одну ямку писал”, – отвечал он. Мусеньку выслали. Детей взяли к себе и впоследствии усыновили Ирина Валентиновна и ее муж, Натан Альтман. Как будто смерч пронесся над этой счастливой, веселой и красивой семьей. <...> В 1948 году, когда Муся жила под Москвой, ее схватили, а через две недели она умерла, о чем сообщили из

²⁵ Полякова А. Л. Минувшее проходит предо мною... С. 15–16. В домашнем архиве Е. Г. Щуко сохранилась фотография этого спектакля.

²⁶ Фотографии хранятся: РО ИРЛИ, ф. 922; об участниках постановок или «живых картин» см. примеч. к тексту воспоминаний.

Лефортовской тюрьмы только через два месяца. Можно догадываться, можно строить самые страшные предположения. И самые страшные могут быть правдой. Ей было сорок четыре года, и она была здорова».²⁷

Летом 1937 г. Щуко и Малаховские жили вместе в Пушкинских Горах (у Елизаветы Георгиевны сохранились фотографии: она, Катя и Валечка Малаховские безмятежно сидят на крыльце дома). Сотрудники НКВД забрали Бронислава Брониславовича прямо с дачи, он был расстрелян 27 авг. 1937 г. по обвинению в шпионаже – как «польский шпион» (его мать и брат Лев эмигрировали в 1918 г., его не выпустили). Однако родные об этом узнали лишь через годы.²⁸

Несмотря на принадлежность к сталинской архитектурной элите, «охранной» грамоты не имела и семья Щуко. Владимир Алексеевич и Георгий Владимирович по счастливой случайности избежали репрессий. По сведениям А. А. Великанова, «проектировщиков Дворца Советов по тайному указанию Сталина приказано было не трогать. Хотя все они были, как тогда говорили, из “попутчиков”. По словам Ю. П. Любимова, у Сталина был список лиц и учреждений, не подлежащих аресту».²⁹

На членов семей «охраняемых» лиц действие списков не распространялось. В 1938 г. был арестован Борис Владимирович – театральный художник, младший брат Г. В. Щуко (случившееся нанесло непоправимый удар здоровью отца, В. А. Щуко скончался 17 янв. 1939 г.). Волею судеб Борис оказался солагерником О. Мандельштама, работал с ним в одной бригаде на «Второй речке» под Владивостоком (место гибели поэта),³⁰ в 1940 г. был переведен в другой лагерь.

Вместе с Ольгой Владимировной Щуко Лидия Николаевна хлопотала об освобождении Бориса (тщетно); 26 мая 1940 г. она писала мужу: «Милый мой Юрочек. Пишу тебе в расстройстве чувств. Вчера мы с мамой твоей были в Н. К. В. Д. по делу Бориса и нам отказали наотрез. <...> Я очень расстроена, не говорю уж я про О. В., которая совсем растерялась. Я думаю, что это отказ по тому нашему заявлению, что мы посылали на Кузнецкий 24, а прокуратура к этому отношения не имеет, и там надо продолжать хлопоты, не говоря об отказе...» (архив Е. Г. Щуко).

Сестра Лидии Николаевны – Саша, Александра Николаевна Йоргенсен (урожд. Черносивитова; 1904–1941?) погибла в лагере или в тюрьме.³¹ Ее первый муж – журналист Мартин Йоргенсен, датчанин, «исчез» в середине 1930-х, в письме к мужу от 26 мая 1940 г. Лидия Николаевна сообщала: «...М<артина> выслали в Якутск на вольное житье без копейки денег и куска еды, на 3 года, из которых ему осталось 10 месяцев (так как он просидел 2 г<ода> 2 м<есяца>). Вот уже 2 мес<яца> как он уехал и от него нет никаких известий» (архив Е. Г. Щуко).

²⁷ *Копиская М.* Злые годы // Новый мир. 1992. № 6. С. 86.

²⁸ В 2015 г. на доме, в котором жил Б. Б. Малаховский (угол Малого проспекта П. С. и Ждановской набережной, дом № 1/3) был установлен мемориальный знак: «Последний адрес Б. Малаховского».

²⁹ *Великанов А.А.* Дворец Советов: создание невозможного. С. 67.

³⁰ См.: *Нерлер П. М.* Осип Мандельштам и его солагерники. М., 2015. С. 357.

³¹ См. о ней в тексте воспоминаний.

На письме Бориса Щуко из лагеря Княжпогост (Сыктывкар) от 15 мая 1942 г., в котором он отвечал на вопросы родных об исчезнувших – репрессированных друзьях и близких (Саше Черносивитовой, К. Струве, Рене О’Коннель и др.), Лидия Николаевна оставила горькую обобщающую ремарку: «!все вместе – там!» (архив Е. Г. Щуко). Она понимала, что «там!» мог оказаться любой из них, каждый.

После погромной статьи в «Правде» от 28 янв. 1936 г. «Сумбур вместо музыки», уничтожавшей Д. Шостаковича, с началом кампании против формализма все они чувствовали себя заложниками. Н. Альтман в это время практически навсегда оставил станковую живопись, со слов Б. Я. Фрезинского, к мольберту он приколот листок, на котором, «его красивым почерком были написаны строки из Микеланджело Буонароти:

Мне сладко спать, а пуще – камнем быть.
Когда кругом позор и преступленье:
Не чувствовать, не видеть – облегченье,
Умолкни ж, друг, к чему меня будить?».³²

Поколение Елизаветы Георгиевны росло в полном неведении о своих «корнях» – принципиальное условие выживания.

В самом начале 1990-х гг. Никодим Васильевич Гиппиус³³ рассказывал автору этих строк (М. М. Павловой), что имя З. Н. Гиппиус, равно как и Д. С. Мережковского, в их доме не упоминалось. Когда он повзрослел и стал задавать вопросы, то старшие уверенно ему отвечали, что это – совсем другие Гиппиусы, не имевшие к ним никакого отношения. Историкам литературы, однако, известно, что предки Гиппиусов носили другую фамилию: фон Гингст, она была изменена первым переселенцем этого немецкого рода в Россию, из чего следует, что все здешние Гиппиусы между собой – близкие или дальние родственники.

В 1994 г. Евгений Васильевич Черносивитов³⁴ писал Елизавете Георгиевне из Москвы: «О Вашем существовании я, конечно, не знал, хотя об Ольге Николаевне, так же, как и Евгении Александровне (Черносивитовой. – М. П.),³⁵ знал

³² *Фрезинский Борис*. Натан Альтман в Париже и в Питере // Невское время. 1995. 10 дек. № 302. С. 4.

³³ *Гиппиус Никодим Васильевич* (1918–1996) – актер кино, драматург, сценарист; его отец – поэт и переводчик, литературовед Василий Васильевич Гиппиус (1890–1942), в 1937–1942 гг. заведовал кафедрой русской литературы ЛГУ; дядя – поэт-символист Владимир Васильевич Гиппиус (псевд. Вл. Бестужев, Вл. Нефединский; 1876–1941), отец и дядя приходились троюродными братьями З. Н. Гиппиус.

³⁴ *Черносивитов Евгений Васильевич* (р. 1945) – доктор философских и медицинских наук, профессор, международный эксперт и член криминологического совета (Любек, Германия), а также католической Академии (Штутгарт, Германия), подробнее о нем см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Черносивитов_Евгений_Васильевич (дата обращения: 08.08.2018).

³⁵ *Черносивитова Евгения Александровна* (1903–1974) – племянница Н. Н. Черносивитова, переводчица, преподавательница иностранных языков; с начала 1910-х гг. вместе с родителями жила в Западной Европе, свободно владела основными европейскими языками; в 1926 г. была рекомендована Рильке в качестве секретаря; наиболее полные сведения о ней см. в кн.: Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке / изд. подгот. К. М. Азадовский. СПб.: Акрополь, 1992. С. 298.

с раннего детства (в библиотеке родителей были “запрещенные”, 50-х годов, издания Федора Сологуба, а именем последней я назван). Но всякие разговоры о родне моего отца в нашей семье, вплоть до его смерти – умер он в 1990 году <...> – были строжайше запрещены, ибо отец мой, Василий Петрович Черносвитов считал своих родных “врагами народа”, его отец, 5-ро детей и около 20 двоюродных дядей и свояков были расстреляны ЧК с 1919 по 1921 гг. Скучные сведения о родне отца я получал от своей бабушки – мамы моей мамы <...> От нее я и получил чудом сохранившиеся фотографии и письма родных моего отца, ибо с 11 лет он беспризорник». ³⁶

Вплоть до начала 1950-х гг. Елизавета Георгиевна почти ничего не знала о двоюродных бабках Александре и Анастасии Чеботаревских, не держала в руках книг Сологуба. Между тем в семье Щуко–Браудо хранились унаследованные от Ольги Николаевны вещи (среди них инспекторская шпага Сологуба), книги, альбомы с семейными фотографиями, документы, отдельные тома из сологубовского Собрания сочинений в 20 томах, выпущенного издательством «Сирин» (1913–1914) с дарительными автографами бабушке и Анастасии Николаевне. Лишь спустя годы Елизавета Георгиевна прочитала письма матери к дяде Борису, отправленные в ГУЛАГ, и его письма к ней из лагеря.

Сравнительно небольшой мемуарный очерк Е. Г. Щуко, записанный по отрывочным впечатлениям детства, без каких-либо развернутых характеристик и оценок происходившего, неожиданно воскрешает десятки замечательных имен и воссоздает атмосферу сталинского времени (по точному определению М. Ю. Конисской – «Злые годы»), в которое жила и выживала творческая элита.

Текст воспоминаний печатается по записи с голоса автора. Приношу глубокую благодарность Елизавете Георгиевне за помощь в работе и многолетнюю щедрую дружбу.

³⁶ Архив Е. Г. Щуко. В этом же письме Е. В. Черносвитов сообщал о своих генеалогических разысканиях: «(1) Кое-что о нашей фамилии, может быть, Вам не известно: 1) Черносвитовы – древнейшая фамилия в Европе, Цветаева была близка к толкованию ее происхождения, но не очень. Она на тысячи полторы лет древнее Рюриковичей. Первое реальное лицо из нашей фамилии <...> думный дьяк Василий Черносвитов, друг Василия III, знаменитый в свое время добрыми делами в Москве. 2) Черносвитовы не могут быть однофамильцами, ибо их крепостные не носили фамилию Черносвитов по причине сложности и другим, никто на эту фамилию не зарился, ибо цари через одного преследовали Черносвитовых» и т. д.

Е. Г. Щуко. Воспоминания о детстве, семье, близких

Родилась я в 1931 году в Ашхабаде, куда папу послали восстанавливать город после землетрясения,¹ к папе приехала мама, 5 февраля родилась я. И с папиной и с маминой стороны бабушки были Ольги, и меня хотели назвать в их честь. Но у моей тети Тани была дочь Ольга, которая умерла от скарлатины не так давно. Родители послали телеграмму Танечке с вопросом, можно ли меня назвать Ольгой. А в Ашхабаде торопили регистрировать ребенка, папа с мамой ждали телеграммы, но все сроки вышли. Они долго думали, перебирали имена и решили назвать Елизаветой, в честь дочери Петра Первого. Только зарегистрировали, а через три дня пришла телеграмма с разрешением. Родители кинулись в ЗАГС, стали просить переименовать, так как дождались разрешения, а им ответили: «Нельзя, теперь уже до 16 лет будет Елизаветой, а там, как сама решит». А поскольку был уже апрель, то в свидетельстве о рождении ошиблись датой, записали: 5 апреля.² Все меня стали звать Гулей, потому что в Ашхабаде к имени мальчика и девочки всегда добавляют слово «гуль», что по-туркменски «цветок», так меня всю жизнь и зовут все Гулей.

Через три месяца после моего рождения мы с мамой вернулись в Ленинград к бабушке и дедушке Черносвитовым.

Мой дед со стороны матери – Николай Николаевич Черносвитов родился в Туле в 1870 году. Его мать – Александра Ивановна Черносвитова (урожд. Пушкина, какая-то родня поэта).³ Дед окончил тульскую гимназию и в том же году поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Университет он закончил с дипломом первой степени – кандидатом. За время учебы его дважды высылали из Москвы за участие в студенческих беспорядках, первый раз на год в 1894–1895 учебном году, второй раз в 1896-м, уже по окончании университета, по случаю коронации. Последняя высылка повлекла за собой полное изменение его дальнейшей научной судьбы.

Он уехал во Францию, в Париже начал работать в Коллеж де Франс в лаборатории профессора Шютценбергера,⁴ затем увлекся электротехникой, которой и посвятил всю жизнь. В мае 1907 года он был избран преподавателем электротехнического факультета Политехнического института в Петербурге.

В Париже у деда образовалась семья, он женился на Ольге Николаевне Чеботаревской.⁵ Во Франции у них родились дочери: в 1896 году Александра – тетя Саша, в 1898-м Татьяна – тетя Таня, в 1907-м Лидия – моя мама⁶ (она тоже родилась в Париже, куда Черносвитовы наезжали уже из Петербурга). Когда во время войны мы приехали в эвакуацию в Пермь, милиционер сказал маме: «А вот возьму и не буду тебя прописывать, зачем ты в Париже родилась?». Мама очень завидовала папе, потому что он родился в Риме,⁷ а в паспорте у него стояло Третье Парголово.⁸

Осенью 1908 года вся семья перебралась из имения Черносвитовых Щучье,⁹ где обычно проводила лето, в Петербург и обосновалась в Лесном. В нашем семейном альбоме есть фотография деда и бабушки, когда они были еще молодыми. В Щучье приезжали Смидовичи, семья дедушкиной сестры

Софьи Николаевны. Первым браком она была замужем за Платоном Луначарским – братом Луначарского, вторым за Петром Смидовичем, троюродным братом Вересаева.¹⁰ Из дедушкиных родственников примечательна Евгения Черносвитова, его двоюродная племянница, она жила в Женеве, какое-то время работала секретарем Рильке,¹¹ но я ее никогда не видела.

В середине 1990-х вместе с троюродным братом Евгением Черносвитовым и его женой мы побывали в Щучьем, ехали из Москвы на машине. После революции усадьба была экспроприрована, дом отдан под интернат для инвалидов и одиноких стариков. Когда мы подъехали к усадьбе, к нам выбежали люди и стали спрашивать, кто мы такие и зачем приехали. А когда услышали фамилию «Черносвитовы», одна сильно пожилая женщина спросила: «А вы не из Смидовичей? из белых или черных?» (что, вероятно, значило: из Смидовичей, они были блондинами, или Черносвитовых); потом сказала, что в детстве играла с детьми хозяев. Она повела нас в дом; ремонта там, очевидно, не было с того времени, как его оставили хозяева, обстановка была соответственная, на лавках лежали больные и старики. Мы спросили про церковь, которая стояла в усадьбе Черносвитовых. Женщина рассказала, что кузнец с другого берега Осетра разобрал церковь и перевез к себе на другой берег. А наш фамильный склеп использовали для хранения овощей. Когда в 1918-м его разорвали, то вынесли много надгробных украшений (склеп был двухсотлетний).

Потом мы поехали на кладбище, искали могилы, нашли плиту с фамилией Черносвитовы.

Бабушка Оля, мамина мама, росла в большой семье. Ее отец Николай Николаевич Чеботаревский¹² был родом из Курска, адвокат, умер в 1897 году, мать Анастасия Николаевна страдала душевной болезнью, она покончила с собой в 28 лет, оставив шестерых детей. Владимир (умер в 1950-е годы, его семью я хорошо знала), Александра (переводчица; покончила с собой в Москве в 1925 году), Николай (в 1914 году – подполковник, после 1917-го – в войсках Деникина, эмигрировал), Анастасия (1876–1921, переводчица, жена писателя Федора Сологуба, покончила с собой),¹³ Татьяна (1876–1968, детский врач).

Вскоре после гибели жены прадед получил перевод в Москву, там он женился на Александре Эдуардовне Вивьен¹⁴ (у нее была дочь Наташа, от первого брака). От второго брака у деда родились дети: Владимир, Константин, Лев, Михаил (был казнен в 1907), Евгения (1885–1965, всю жизнь работала в музее Льва Толстого в Хамовниках)¹⁵ и Саша (1889–1970, был художником, работал там же в Хамовниках в Толстовском музее, помогал оформлять павильоны Всесоюзной выставки; я у него останавливалась, когда приезжала в Москву).

Из всех Черносвитовых самой красивой была моя мама, она сильно походила на свою бабушку по отцу Александру Ивановну (Пушкину). За ней многие ухлестывали. Училась она в Академии художеств (тогда ВХУТЕИНе – Высшем художественно-техническом институте),¹⁶ занималась книжной графикой. Сначала ее заметил и был ею очарован старший Щуко, мой дед, видимо, он и познакомил ее с сыном, который учился там же на архитектурном отделении

в его мастерской. Мама, конечно же, предпочла папу. Они поженились в июле 1927 года.

Тетя Саша начала учиться в Париже. О ней я мало знаю. Мы жили вместе с Танечкой (тетей Таней) на Ждановке, а Саша жила отдельно и приходила к нам. Она была замужем за датчанином Мартином, после того как он «исчез», она приходила к нам, уже на улицу Герцена, с журналистом Мазингом,¹⁷ потом с Гейченкой,¹⁸ директором музея в Пушкинских горах. Сашу арестовали в июле 1941 года. Незадолго до начала войны мы переселились в ее квартиру в Мучном переулке, она уже переехала на Гороховую, где ее и арестовали. Мы ничего не знали о причине ареста и ее дальнейшей судьбе. О гибели тети Саши я узнала не так давно благодаря родственнику Евгению Васильевичу Черносвитову, вот что он сообщил мне: «Разыскал Вашу тетю, Александру Николаевну Йоргенсен-Черносвитову. Больше того, по моей просьбе ее реабилитировали 30.05.1995 года. Я имею справку о реабилитации. Ее арестовывали два раза. Первый раз в 1920 году. Спас ее Петр Гермогенович Смилович, взяв на поруки. Он был тогда членом РЦИК. Много ей помогала, в том числе в Германии, и Софья Николаевна Черносвитова-Смилович, ее тетя. Второй раз ее арестовали 31 июля 1941 года и приговорили к 10 годам лагерей. Расстреляли, но когда – точно не известно. По одним данным в том же 1941 году. По другим – в 1945».¹⁹

Тетя Таня после смерти дочери Оли (она умерла в 1924 году) рассталась с мужем Сережей. Они жили тогда под Ленинградом, работали на ферме, нам привозили картошку и овощи. Дочь была с ними. Там она заразилась scarlatinной, поскольку спала в кроватке ребенка, который был болен и умер. Таня не могла простить мужу, что он не принял меры предосторожности, не дезинфицировал постель. Оля умерла в семь лет, больше у тети Тани детей не было. Девочку привезли в Ленинград на Ждановку, я помню фотографию: Оля лежит на диване, вся окруженная игрушками и цветами. Фотография эта исчезла, может быть, Танечка сама ее уничтожила, о дочери она никогда не говорила. Тетя Таня всю жизнь работала хирургом в больнице Эрисмана,²⁰ во второй хирургии. Ей довелось пройти три войны: сначала она служила в военном госпитале в Польше – в Белостоке в 1939 году, в Великую Отечественную войну – на Карельском фронте, во время Японской войны – на Дальнем Востоке. С фронта Танечка вернулась к нам на Мучной и продолжала работать в больнице Эрисмана. Когда она вышла на пенсию, то решила, что ей нужна меньшая квартира, она переехала на улицу Мира, где и жила до самой смерти. У нее были хорошие фронтовые друзья, хирурги, они часто приходили к нам.

После смерти дедушки бабушка переехала на Мучной (д. 1).²¹ Во время блокады у нее жила Евгения Кийко,²² работавшая в Пушкинском Доме, помогала ей. Зимой 1942 года бабушка собиралась ехать к нам в Молотов, однако за первую блокадную зиму она очень ослабла. Тогда хирург Петя Кустов, ученик Танечки, работавший в больнице Эрисмана, забрал ее в клинику подлечить. Клиника почти не отапливалась, бабушка простудилась, заболела воспалением легких и в конце января скончалась. Петя Кустов добился (за свой паек) отдельного участка на Серафимовском кладбище,²³ где в отдельной могиле

похоронили бабушку, теперь это наш участок, где лежат Танечка Черносвитова, И. А. Браудо и моя мама.

Во время войны к бабушке приходила дочь Иванова-Разумника Ирина.²⁴ После смерти Ольги Николаевны она помогла Кийко перевезти на санках ящик с архивом Сологуба и книгами с автографами Сологуба, Блока и др. в Пушкинский Дом.²⁵ Архив принял хранитель Мануйлов.²⁶

Потом Е. Кийко уехала в эвакуацию в Среднюю Азию, Ирина осталась в городе, позже ее арестовали, после ухода Иванова-Разумника с немцами...²⁷ Кийко вернулась в Ленинград в конце 40-х, получила с военными посылку от Тани, писала ей. Она вела переписку с московским архивом о передаче архива Ф. Сологуба, но те отказались принять его.²⁸

В 1946 году к нам в квартиру на Мучном пришла Ольга, бывшая прислуга Сологуба – очень крупная женщина, немного согбенная, с крупными чертами лица. Вместе с мужем Никифором она служила у Сологуба и Анастасии Николаевны. После войны она разыскала маму, бывала у нас, иногда сидела с маленькой Настей. Помню, когда у мамы болели зубы, Ольга говорила: «Лидя Николаевна, да своем пипи, поможет!».

В детстве я любила подслушивать разговоры взрослых, естественно, не все понимала, но какие-то фразы оставались в памяти. Так я запомнила имя Браудо и записала со ошибками на своей грифельной доске, и многое другое, иногда бессвязное или отрывочное. О Сологубе при мне никогда не говорили. О Сологубе я узнала уже в юности, прочитав «Мелкого беса» и побывав на могиле деда на Смоленском кладбище. Мой дед Николай Николаевич Черносвитов похоронен в одной ограде с Сологубом и его женой Анастасией Чеботаревской – моей двоюродной бабкой. Я стала выписывать в тетрадь все, что читала о Сологубе. Уже после смерти мамы я нашла записанные ею со слов Танечки воспоминания о 23 сентября 1921 года, я передала их в Пушкинский Дом.²⁹ Оказывается, по просьбе бабушки, которая работала и не могла быть рядом с сестрой во время ее болезни, мама иногда дежурила у тети Насти, она провела с нею и часть того рокового дня, о котором сделана запись. Только в середине 1990-х годов, когда более или менее регулярно стали появляться публикации из архива Сологуба, я смогла познакомиться с семейными документами, перепиской родных (бабушки и ее сестер), хранящимися в Пушкинском Доме.³⁰ Весь архив Сологуба бабушка передала в Рукописный отдел.

Фамилия моих предков со стороны отца польско-литовского происхождения, род Щуко возводят к Станиславу Антонию Щуке,³¹ принимавшему участие в работе Великого посольства Петра I. В нашем доме об этом вельможном родстве никогда не говорили, а возможно, и не знали.

Мой папа Юрий Владимирович Щуко родился в 1905 году в Риме во время пенсионерской поездки деда по Италии для изучения архитектуры Возрождения. Его отец Владимир Алексеевич Щуко родился в Берлине 5 июля 1878 года в семье отставного военного. В 1904 году дед окончил Академию художеств, а в 1911 году получил звание академика архитектуры. Мать деда, моя прабабка, Берта Бернардовна Антонович, родилась в Кракове в 1846 году,

умерла в Москве в 1942 году. Я ее видела в первый и в последний раз в 1941 году в Москве, когда жила у отца.

Бабка по отцу – Ольга Владимировна Щуко, урожденная Николая (1879–1945), была дочерью архитектора Владимира Владимировича Николая (1851–1901), француза по происхождению. В Санкт-Петербурге им построено здание Консерватории на месте Большого каменного театра, здание строилось пять лет (1891–1896). Ее мать Агнесса фон Кершен (1852–1921) была голландкой.

У Ольги Владимировны в браке с дедушкой родилось пятеро детей: Юрий (мой отец), Борис, Наталья, Андрей, Марина.³² Она растила детей и вела хозяйство. Семья Щуко жила на Каменноостровском проспекте, дом № 13, угол улицы Мира. Там у деда была мастерская, в которой создавались проекты и театральные эскизы. Сюда приходили режиссеры, музыканты, актеры, архитекторы, художники и ученики Щуко, которых опекала и всегда кормила Ольга Владимировна. В 1934 году дед переехал в Москву, оставив семью в Ленинграде. Когда я была маленькая, до войны, меня часто водили на Каменноостровский проспект, где я и мои двоюродные сестра и братья любили играть в мастерской, там стояли длинные резные лари, резные стулья и всякая интересная всячина. Среди этого художественного скарба мы скакали, бесились, играли в прятки. Во время войны семейство Щуко выехало в эвакуацию, а в их квартиру в конце войны поселили семью военного, которая жила и после войны, когда вернулись наши.

В 1931 году из Ашхабада мы с мамой приехали к бабушке и дедушке на Ждановку. Они жили в доме на набережной, на углу Малого проспекта дом (3/1). Вход был с Малого, со двора – черный, через кухню, парадный был закрыт. Вместе с ними жили старшие сестры мамы – Танечка и Саша с мужем Мартином (он был датчанин, работал, кажется, журналистом, в 1930-е годы его арестовали, и с тех пор никто о нем ничего не слышал).

Квартира была на 5-м этаже, большая, анфилада комнат шла до углового эркера, коридор упирался в кухню, окно которой выходило на Малый проспект, отсюда был черный ход на лестницу. В комнате с эркером была столовая, стоял большой стол, пианино, в ближайшей комнате к эркеру жила Саша, в следующей – мои родители и я, затем Танечкина комната с балконом, ее шкаф теперь стоит у меня с книгами по искусству. За Танечиной комнатой жил Петя Баженов, друг нашей семьи из Тулы, товарищ мамы по юношеским годам.³³ Где располагалась комната бабушки и дедушки, не помню. За эркером была кухня, где жила подселенка Нюша, которая все время скандалила.

Бабушка руководила хозяйством, давала указания домработнице, что купить. Обедали все вместе, кто был дома, за большим столом в гостиной. Где работала бабушка, я не знаю, в каком-то «Центросоюзе». В 1920 году она писала сестре Тане Чеботаревской в Москву, что многих у них посадили, что оба управляющих и оба помощника управляющих, главный бухгалтер, ответственный кассир и еще кое-кто со складов сидят на Гороховой и Шпалерной. Но в каком учреждении она служила – не знаю.

Из этого времени мне запомнилось, как дедушка учил меня играть в карты, играли в бесконечную пьяницу и в дурака. У нас был домашний детский кружок, к нам регулярно, по каким-то дням приходили дети Павлицкие заниматься музыкой, танцами (Павлицкий – друг дедушки пожизненный, но кем он был и чем занимался – не знаю).³⁴ Еще меня водили через Тучков мост в немецкую группу.

Очень рано я начала танцевать. Между 4 и 5-ю годами меня повели на «Спящую красавицу» в Мариинский театр.³⁵ Когда на сцене появилась фея Карабос, я встала спиной к сцене и сказала: «Позовите меня, когда она уйдет». Испугалась – она срывала лакею волосы за то, что он не включил ее в список приглашенных на рождение Авроры. А дома я рассказывала всем о балете и танцевала в эркере. Все мои детские тетради разрисованы балеринами.

На Ждановке в квартире под нами на 4-м этаже жили Малаховские: Бронислав Брониславович, художник-карикатурист, его жена Мария Валентиновна, мать Марии Валентиновны и двое детей, старшая Катя и младший Валечка (хотя он по паспорту Дмитрий, и все его звали Димой, когда мы учились в университете).³⁶

С Вале́й я знакома со дня его появления дома. Его принесли из роддома, мне дали конфету, я ее откусила и кусок сунула ему в рот. Мне было полтора года. Валечку спасли, конечно. Потом мы всегда жили с ними вместе на дачах – и в Разливе, и в Песочной, и в Пушкинских горах – эта была наша последняя общая дача – в 1937 году, оттуда Славу Малаховского и забрали (арестовали). Кстати, Катя Малаховская была Умной Машей³⁷ – с нее Слава писал эту девочку, а Валечка – прообразом Буратино в «Золотом ключике» Ал. Толстого, эту книгу иллюстрировал Слава,³⁸ а с Кати рисовал Мальвину.

Малаховские–Щеголевы–Альтманы были самыми близкими друзьями нашей семьи. Малаховский был женат на Марии Тернавцевой (все ее звали Мусей), ее сестра Ирина сначала была женой историка Павла Щеголева,³⁹ позднее стала женой художника Н. Альтмана.

В 1937 году Малаховского расстреляли, Муся вместе с маленьким Валечкой была сослана, а Катя осталась с Ириной и Натаном, она училась в хореографическом училище Мариинского театра. Ирина пыталась выяснить судьбу Славы, хлопотала, чтобы Муся была освобождена от ссылки. Впоследствии, когда Муси не стало, они с Натаном усыновили Валю и Катю. Во время войны Муся с Вале́й находились в городе Оса в Предуралье. Ирина переписывалась с сестрой из Молотова, бесконечно собирала для них посылки, просила в письмах всех их друзей, эвакуированных в разные города, доставать необходимые вещи для Муси, Вали и мамы, которая была с ними (позднее Мария Адамовна⁴⁰ умерла в Молотове, там и похоронена). После войны Муся жила в Москве, по-моему, нелегально, была арестована и умерла в тюрьме. Валя жил у Ирины, Катя вышла замуж за Коллю Томашевского.⁴¹

В четыре года меня крестили Ольгой. Мама записала, что это было 18 августа 1935 года на станции Песочная по финляндской железной дороге. Там же с нами жили тетя Наташа Щуко, папина сестра, с новорожденной дочкой Ириной. Нас обеих крестили тайно, батюшка пришел на дом, посредине

комнаты на табуретке стоял таз с водой, Ирину в таз погружали, а я ходила вокруг со свечкой в рубашечке. Как мама писала папе в письме, я была очень серьезная и трогательная. Когда все закончилось, я сказала батюшке: ауфидерзейн. Он очень развеселился. 24 июля из Песочной мы ехали к бабушке на Ольгин день и по дороге я приглашала всех встречающих «плиходите к нам на челничный пилог к бабушке».

Другой год мы летом жили в Разливе, дача была огромная, как большое гнездо, народу много. Я обожала девочку Софочку, она была очень красивая, особенно глаза – большие, черные. Взрослые рассказывали, что однажды я устроила переполох: повалила Софочку на спину, она стала кричать. Взрослые прибежали и отняли меня от Софочки. Мама спросила: «Гуля, что ты делаешь?». Я ответила: «Глазки выковыливаю!».

Летом 1936 года меня отправили в Евпаторию лечить больные уши, простуженные еще при рождении в Ашхабаде. Со мной были обе мои бабушки Оли. Мы жили в частном доме. Однажды мимо нас шли цыганки. Баба Оля (Щуко, Николая) стояла во дворе, и цыганка в нее вцепилась. Баба Оля была глуховата и не от мира сего – наивная, чистосердечная. Цыганка ее заговорила, она сняла обручальное кольцо и отдала цыганке. Бабушка Оля Чернозитова увидела, побежала за цыганкой и отобрала у нее кольцо.

Когда мы жили на Ждановке и на улице Герцена, наша квартира всегда кишела разными людьми. К дедушке приходил его постоянный друг Павлицкий, к Танечке подруги и коллеги-доктора, к Саше ее подруга цыганка, певица Женя Шишкина,⁴² а к маме – Алиса Порет, она тогда жила в Ленинграде. Обычно все же уходила мама, а меня оставляли с нянькой. Как-то мама вернулась домой и застала меня вместе с нянькой в своей постели, причем нянька лежала в валенках.

Нянька водила меня через Тучков мост на Васильевский остров в немецкую группу, в дом на углу Кадетской линии и Невы. Группа была очень известная. В одной квартире жили три сестры-немки, и к ним приводили на занятия детей разного возраста, самую младшую группу вела Агата Юльевна, она занималась со мной и маленькими детьми, две других сестры имели свои группы, Вильгельмина Юльевна занималась с детьми постарше, а самые взрослые ходили к старшей сестре Елене Юльевне. Со мной случилась драматическая история, однажды мы опоздали на урок, нянька пожаловалась, что я капризничала, брыкалась и не хотела одеваться. Тогда меня наказали: заставили при всех снять ботинки и всю одежду и снова надеть на себя без помощи. Я впервые испытала чувство унижения, мне было тогда четыре года. А ритмикой занимались у нас на квартире, так как на Ждановской была большая гостиная. Туда к нам приводили детей, Анечку Полякову,⁴³ дочь известного архитектора, детей Павлицких и других.

Гулять меня водили в садик у Князь-Владимирского собора, он и по сей день на месте, только теперь огорожен. Помню, как ели ягоды с кустов барбариса. Когда мы играли в классики или скакали через скакалку, то няньки сидели в ряд вдоль здания школы на приступочке вдоль собора. В церковь меня не водили, бабушка и дедушка были атеистами. Из всей семьи только

мама была верующая, вместе с Мусей Малаховской они ходили на все-нощные, потом в письмах к папе мама восторженно рассказывала об этих посещениях. Мама пыталась водить меня в церковь в Пушкинских Горах, но я вела себя неприлично, громко говорила, показывала пальцем, и нас попросили уйти из церкви. Мама ругала меня, говорила, что вот, рядом стоит мальчик (сын какого-то художника, имени не помню) и ведет себя хорошо, а ты плохо.

В 1938 году мой дед Черношвитов умер, и мы всей семьей переехали на Большую Морскую (тогда улица Герцена) в дом 26. Квартира здесь была гораздо меньше, окна выходили во двор. Переехали в прежнем составе, кроме Саши, она жила на Мучном, никакого Мартина уже не было. Потом появился Борис Мазинг, литературный критик или журналист, и он тоже был арестован, тете Саше не везло. Саша приходила к нам в гости вместе с Борисом и собакой Шариком, Шарик ложился под диван, и когда кто-нибудь спрашивал: «А где наш Шарик?», он тявкал в ответ. На Большую Морскую ко мне ходила немка Мария Христиановна, я уже говорила по-немецки и даже читала готический шрифт. Помню, что в начале мая мы с мамой собрались навестить бабу Олю и кузенов. Было уже тепло, и я хотела идти без пальто и чулок. Но мама настояла, чтобы я оделась. Пошли пешком мимо Летнего сада в сторону Кировского моста. У садовой решетки встретили нашу знакомую с сынишкой в коляске. Пока мама разговаривала, я решила перебежать к Неве на каменную скамейку и тут же угодила под машину. Шофер успел притормозить, я зацепилась пальто за капот, и меня проволочило по асфальту. В это время мама с ужасным лицом ринулась в мою сторону и чуть не угодила под встречную машину. Очнулась я на скамейке, мама была рядом. Собралась толпа, какой-то дядька в кожанке зверски кричал на маму. На ноге у меня была рваная рана, ушибы, кровь. Нас повезли в больницу Эрисмана, к Танечке. Домой я вернулась с забинтованными ногами. Подружки со двора приходили смотреть на меня.

В 1939 году у нас появился патефон, под который я танцевала. Привезла его Танечка с Польской войны, и мы часто слушали пластинки.

Во время Финской войны мы жили на Большой Морской, и нас в обязательном порядке спускали в убежище, там я увидела фильм про иприт, газы и раны. Мама возмущалась, что детей водили смотреть ужасы. Дома мы сидели с зашторенными окнами, свет можно было зажигать только синий, вкручивали специальные синие лампочки. Я даже сочинила стихи про синий свет, бабушка их записала и поставила дату: Март 1938 года.

Тревога началась,
Зажгли мы свой огонь.
Он синий, он синий,
Хорошенький огонь!
В рельсу на дворе забили,
Газные бомбы летят,
Летали по небу аэропланы,

По улицам ходить – никому!
Свет погас. Синий свет зажегся,
Свеча загорела,
Огонь ее желтенький, желтенький,
Шторы затянули,
Свет везде погас.
Светик синий, синенький,
Он горит один!
Звезды встали на небе,
Надо спать идти!
Не могу я спатеньки.
Интересно мне
Посмотреть в окошечко
В темноту везде.

Мама писала папе в Москву, что очень тревожно и страшно ходить по улицам, поговаривали, что убивают и грабят, еще она писала, что ей хочется в Москву, где светло и тепло.

Стихи я начала сочинять очень рано. Вот пример моего творчества в 4-летнем возрасте.

Мой милай товарищ,
Мой летчик,
Хачу я с тобой поглядеть,
Как месяц по небу качует,
Как по лесу бродит медведь.
Давно мне наскучило дома,
Абегал я поле и сат,
Мне небо еще незнакома,
Какой в нем парядак и лад.
И вот мы под небом весолым
Все будем литет и летет.
Возьми меня летчик собою,
Не будешь об етом жилет.

Бабушка записывала все мои стихи и рассказы в специальную тетрадь и даже кое-что посылала в «Чиж». У меня есть два письма из «Чижа»,⁴⁴ там я зовусь Олей, потому что все мое детство меня звали Оля (и Гуля). Я бережно храню эти детские документы, они – знак времени, так же, как письма мамы к отцу 1930-х годов, в которых запечатлелся наш семейный быт, повседневная жизнь и вся неповторимая и тревожная атмосфера тех лет.

Полжизни мои родители провели в переписке, потому что папа был все время в Москве, а мы с мамой в Ленинграде. Сейчас я порой перечитываю эти пожелтевшие странички, исписанные круглым маминым почерком, многие из них рассказывают обо мне, воскрешают лица давно ушедших родных и близких. Одно из писем написано гекзаметром, в канун новогодней елки, уже на Мучном, куда мы переехали в самом конце 1938 года (письма гекзаметром мама писала и подругам).

Милый мой муж, властелин мой усатый и нежно любимый!
Шлю я тебе поцелуй, пребывая к тебе благосклонна.
Письма твои получив, телеграммой я очень довольна;
Бедная бабка жива и возможно отдышится вовсе,
Фринка вернулась домой и, довольная, с места не сходит,
Рано встаешь по утрам и былую лень презирая
Вовремя ходишь на службу, упрек получить не рискуя.
Жили б и мы ничего, но от холода страждем гораздо.
Транспорт опять подкачал и топлива нет в Ленинграде,
Жакт не дает нам талонов для дров, спекулянтов найти мы не можем,
Мерзнем и дрогнем в квартире, различным тряпьем укрываясь.
Завтра для Гули назначена детская елка,
Чем мы натопим квартиру, на чем испечем пироги,
Прямо придется пилить нам диваны и прочую стильную мебель,
Чем огорчится зело строгая наша хозяйка.
Что же тебе написать о себе, дорогой мой Юрочек.
Часто я дома сижу, выезжаю с Гуленой на елки,
Были мы в клинике с ней, просветились рентгеном изрядно,
Можем утешить тебя, что здоровье не так уже плохо,
Железы Гулькины лучше, плеврит мой все так же на месте.
Вижу друзей ленинградских – прелестных, приветливых, милых,
Дважды была в Филармоньи, Гарлина видела дважды.
Третьего дня заходил к нам известный и модный художник,
Радловым всеми зовется, привет от тебя передал.
Менее светский Осмеркин звонил мне вчера и сегодня,
В любви признавался и зубы вставить себе обещал.
С Левкой беззубым и Струве устроили мы у Алисы премилую съемку,
Лев нас в восторг приводил, мимикой всех потрясая.
Были с Кириллом в шашлычной, дышала я духом кабацким,
Прежде столь мило-привычным, а ныне забытым давно.
По сердцу пришелся шашлык мне по-карски, студеною водкой запитый,
Слегка отогрелся в чаду замерзший весь мой организм.
Грибанов и Миша позвали меня во дворец пионеров,
Долго писать обо всем, лично ужю расскажу.
Хочется очень в Москву, о тебе я соскучилась очень,
Стыдно мне денег просить, без оных прожить обещав.
Так я и вижу чело и в гневе нахмурены брови,
«Денег сказал я не будет, ты просишь – их нет у меня».
Милый мой ангел Юрочек, пришли мне в последний разочек,
Робко к стопам припадая, волосы рву на себе.
Марья Георгиевна <так!> шьет, и долги, и опять же наряды и елка,
Выручи, милый Юрок, без тебя пропаду ни за грош.
Нежно целую тебя и с трепетом жду, что ответишь;
Верность прошу сохранить, если можно тебе удержаться (от блуда),
Если можно, не очень сердись, за транжирство меня презирая.
Фрину целую, Матрене привет, все ли в доме исправно,
Нет ли блядей, посторонних, клопов не развел ли Нератов.
Нератову нежный привет, как и прочим друзьям на Можайке,
Супругу его ожидаю, сегодня прийти обещала.

Как Мухаринский-блядун, поцелуй его в лысину крепко,
Вижу сестрицу его и семью навестить собираюсь.
Душка Сандро Соколов пригласил меня ныне в Госдраму,
На «Маскарад» мы идем, Юрьева будем глядеть.
Френки целуют тебя и Твелькмейеры и Беренштамы,
Нинка не хочет с усами тебя не кусать ни иметь.⁴⁵

Л. Щуко

А вот что мама писала отцу о новогоднем празднике в канун 1941 года.

«Ты можешь себе представить, какая суматоха у нас была. Мы всю мебель взгромодили в два этажа и более или менее расчистили место. И представь себе, что с нами было 40 человек, из них 13 детей. Дети были всех возрастов, начиная с дочки Рене⁴⁶ и кончая двухнедельным Маляшиным Павлушкой.⁴⁷ Были Щуко в составе: Ольга Владимировна, Наталья,⁴⁸ Андрей,⁴⁹ Лука,⁵⁰ Ирина и Федя,⁵¹ Маляша с мужем Федей и дитем, Лялины⁵² с двумя детьми, Свирский⁵³ с сыном (дочка заболела), Моика Фомина,⁵⁴ Людмилочка Давидович,⁵⁵ Марочка,⁵⁶ которая стала уже кобылица, Рене (мать самой взрослой девушки), бездетные Левинсоны,⁵⁷ Ирина, Катя,⁵⁸ Мария Адамовна,⁵⁹ Мария Георгиевна,⁶⁰ четыре доктора, соседняя девочка, Саша с Гейченкой, Хижинский,⁶¹ вообще столпотворение.

Вначале было очень красиво, елка стояла посредине, была очень хороша и дивно изукрашена. Я всем детям купила прелестные подарочки, а Ольга Владимировна сшила из марли Рембрандтовские воротнички, которые были страшно красивы, я их привезу. Все ходили, плясали, ёлка светилась, горела, вообще было чудно. Потом ель загасили и отодвинули в угол, и Катя с Гулей танцевали по очереди. Гуля украинский, Катя испанский, Гуля польку, Катя мазурку, а в конце вечера вдвоем русского, имели бешеный успех. Я их чудно одевала, заставили их повторять несколько раз. Милы они были необыкновенно. Потом были игрища, Свирский изображал Деда Мороза и читал стихи на всех детей. Потом были золотые ворота, с раздачей подарков. Потом карлики, которых доктора изображали, чай с пирогами, бутербродами и кренделем. Потом жадные взрослые ринулись к столу, им дали даже водки. Танька делала героические чудеса, в смысле хозяйства. Когда все разошлись, мы были обе без ног. А я от усталости не спала всю ночь. Все были очень довольны и даже в восторге, и, правда, было прелестно и очень красиво. Гуля чудно выглядела, была очень приветливая милая хозяйка, всех провожала, никакого кривлянья, никаких капризов или ссор. Рядом живет чудная девочка, с ней она много играет без ссор и глупостей».⁶²

Еще обо мне (25 апреля 1939 года): «У Гули болит ушко. Она мила, сегодня был урок музыки, ужасно трогательный. Я не могла наумилиться на эту дивную пару. Гулена с завязанными ушками и висящими косичками и ножками, и учительша с толстым задом, в очках. Гуля абсолютно тиха и прилежна, и понятлива во время урока. Учительница говорит с ней на “вы”. Мечтала бы, чтобы ты видел эту сцену». Прямо в письме мама нарисовала меня с завязанными ушами и толстенную учительницу, на эту картину невозможно смотреть без улыбки.

До 1939 года мама снимала дачи под Ленинградом. В Разливе – вместе с Малаховскими, и в Песочной вместе с тетей и маленькой Ириной Шуко, там же были папины двоюродные племянники. Потом были Пушкинские Горы совместно с Малаховскими, жили с ними у Фроси, там арестовали и увезли Славу Малаховского.

Однажды, кажется в 1938-м, мы отдыхали под Москвой в Кратово у Наташи Брюхоненко (подруги Маяковского).⁶³ Наташа была близка с мамой, как Алиса Порет, Ирина Щеголева (Альтман), Рина Зеленая и Лиля Брик. Это был один круг. Дочь Наташи – Светлану Киселевскую⁶⁴ (кто был ее отцом, никто точно не знал) звали Мослик, мы с ней все время играли, помню, кричали перед железной дорогой из-за забора: «Электричка, электричка, электричка эз Москвы» («э») выкрикивали с жирным ударением). Позднее, бывая в Москве, я часто останавливалась у Наташи Брюхоненко в горбатом Спасо-Глинищевском переулке, ее комната была на склоне. Мослик рано вышла замуж за Володю – Владимира Андреевича Успенского (позднее известный математик, еще более известен его младший брат Боба – выдающийся лингвист Борис Андреевич Успенский).⁶⁵ Успенские (родители) звали меня шутливо Шерц-Зайчик. Однажды в Грузии они гуляли по рынку и увидели надпись, где продавали шкурки: «Шерц-Зайчик». Им показалось это уморительно, и потом ко мне пристала эта кличка, даже в письмах они обращались ко мне: «Добрый день, Шерц-Зайчик».

Когда я окончила университет, родители отправили меня с моей подругой Дагмарой⁶⁶ в Сухуми. Мама послала с нами Наташу Брюхоненко, чтобы она над нами надзирала. Мы жили у хозяйки, у которой ежегодно останавливалась Танечка. А Наташа была при нас матроной. В эти годы она была крупная, статная, высокая, очень красивая. На пляж ходили пешком, мы с Дагмарой бежали впереди, а сзади величественно вышагивала в халате Наташа. В один прекрасный день, когда мы шествовали к морю, к Дагмаре привязался местный парень: «Дээвушка, как тебя зовут?» – «Мария». – «Марья, я тебя люблю!». Дагмара что-то залепетала в ответ, он: «Или будешь моей, или зарэжу!». Дошли мы до общего городского пляжа, он с нами на пляж, но потом сел рядом с милиционером и стал за нами следить. У нас созрел план: мы с Дагмарой плывем на соседний женский пляж (пляжи шли чередой: общий, мужской, женский), а Наташа несет наши вещи туда. Мужчин не пускали на женский пляж. Мы быстро уплыли, боясь обернуться, а Наташа принесла вещи. Так и спаслись.

Летом 1939-го года мы отдыхали в местечке Пушкино под Москвой, туда к родителям часто приезжали друзья (каждый раз я просила маму рассказывать всем про «Опасный поворот»,⁶⁷ который она видела в театре, мне это очень нравилось). Бывала у нас Лиля Брик с мужем. В 20-х числах июля она приехала поздно вечером, уже затемно, и рассказала об убийстве жены Мейерхольда (Зинаиды Райх).⁶⁸

В 1937 году Управление строительством Дворца Советов построило в Москве два дома на Второй Извозной улице в районе Дорогомилова, пред-

назначенных для работников, занятых на строительстве Дворца Советов. Отец получил трехкомнатную квартиру в доме № 26 по Второй Извозной улице, которая теперь называется Студенческой. В нашей парадной поселились еще несколько семей архитекторов, приехавших из Ленинграда. Это были семьи А. П. Великанова, Л. П. Полякова, А. Ф. Хрякова, З. О. Брод, Г. И. Селюгина, К. С. Бобровского⁶⁹ и др. Жили там очень дружно и весело. Взрослые в свободное время разыгрывали разные смешные сценки, мастерили необыкновенные наряды и шляпки из подручных материалов, особенно это любила моя мама. А. П. Великанов (у него единственного был фотоаппарат) делал снимки всех участников «постановок», которые в изобретательных нарядах изображали примечательные исторические события и сцены на литературные сюжеты.

Для детей и гостей на дни моего рождения, когда я бывала в Москве, устраивали спектакли, где главным заводилой был папа, тексты писала мама, а главными актерами были я, папа и Аня Полякова. Мы ставили «Золотой ключик», где я играла Буратино, Аня – Мальвину, а папа – Карабаса Барабаса. Потом ставили оперу «Красная шапочка», где я играла Красную шапочку, Аня – мою маму, папа – Волка, кто-то Бабушку (не то Зоя Брод не то Алиса Порет) и т. д.

Еще один эпизод довоенной жизни в Москве. Недалеко от нашего дома мама увидела вывеску «Обучение танцам и балету девочек и мальчиков», руководитель М. К. Нижинская.⁷⁰ Марина Казимировна была родственницей Вацлава Нижинского.⁷¹ Мама привела меня к ней, и я стала заниматься. Иногда мы танцевали в кинотеатрах перед началом фильма. Я танцевала с мальчиком украинский танец, мама сшила мне для этого танца плахту – украинскую юбку в клетку. Мы имели большой успех. Однажды мама пришла за мною, разговорилась с Мариной Казимировной и сказала, что скоро у меня день рождения. Старшие меня спросили, кого я приглашу в гости. Я выпалила: Ворошилова, Калинина, Молотова, Буденного. Все долго смеялись.

Когда мы жили в Москве, мама часто уезжала в Ленинград к бабушке, которая после смерти деда стала сдавать, чувствовала себя неважно, нуждалась в поддержке. Мама звала ее к нам в Москву, но та никак не могла собраться. Иногда мама подолгу не возвращалась из Ленинграда, она очень скучала по нам и часто писала папе, рассказывала о наших друзьях. Этих писем много. Вот письмо 12–13 мая 1940 года: «Милый мой Юрочек дорогой, пишу тебе второе письмо, от тебя еще пока ничего не видела. Все думаю о Вас и беспокоюсь, главное, как моя Гулевна-царевна произрастает. Участвует ли в деле воспитания Нератов?⁷² Не успели ли еще развести вшей. <...> Была в концерте, слушала симфонию Шостаковича, почему-то она не произвела на меня такого впечатления, как раньше. Еще была на репетиции Мравинского,⁷³ он в жилетке дирижировал симфонию Брукнера, останавливался, ругался, махал руками очень интересно, в зале сидело всего 3 человека: мать Мравинского,⁷⁴ я и Исайка, и музыка дивно звучала в пустом зале. Я была у Хижей⁷⁵ и у Алисы, пока больше нигде. Завтра еду на вернисаж Альтмановской выставки,⁷⁶ впечатление напишу. Очень скучаю по тебе и по Гуленке моей любезной. Крепко-крепко вас целую и люблю».⁷⁷

21 июня 1941 года я с бабушкой поехала на дачу в Парголово, мама отвезла нас на грузовике. Это место очень близко от Ленинграда. Из окна дачи был виден купол Исаакиевского собора и Адмиралтейская игла. Около дачи проходила Финляндская железная дорога. Местность здесь была чудесная. Дача стояла на горе и была окружена большими деревьями.

22 июня было воскресенье. Ко мне приехала моя учительница Мария Христиановна. День был прекрасный. На небе не было ни облачка, а солнце так светило, что больно смотреть. Около 4-х часов вечера я играла в мяч, а бабушка с моей немкой Марией Христиановной сидели на скамейке. На другой стороне дороги громко говорило радио. До нас донеслись обрывки чьей-то напряженной речи. Когда пришла хозяйка и включила радио, мы узнали из речи Молотова, что началась война. Я сразу заплакала, а Мария Христиановна стала собираться домой. Больше мы ее не видели, она умерла во время блокады. Через полчаса приехала мама, очень взволнованная. С ней приехал мой товарищ Шурик Михайловский,⁷⁸ мама уехала. Из Финляндии в Ленинград шли поезда, обвешанные людьми.

В ночь с 21-го на 22-е июня в хозяйской комнате, где мы спали, треснуло высокое старинное зеркало.

Вечером мы с Шуриком и подружкой Асей играли в мяч и рассказывали смешные вещи и небывицы. Хозяин рыл ямы для столбов, чтобы повесить гамак. Картина была здесь очень мирная, а в это время по дороге ехали танки, броневики, пушки и грузовики, наполненные оружием и красноармейцами. Вдруг на горизонте показались три бомбардировщика, летевших со стороны Финляндии. Из Кронштадта начали стрелять пушки. После каждого выстрела в небе появлялось облачко, которое медленно рассеивалось. От Ленинграда отделилось несколько самолетов, в воздухе завязалась перестрелка. Откуда ни возьмись, между ними появился проворный истребитель. Внезапно один из снарядов попал в истребителя. Тут перед нами предстало изумительное зрелище. Истребитель загорелся, перевернулся в воздухе и стремительно начал падать вниз, как комета или горящий метеор, роняя куски крыльев, шасси, мотор и хвостовые части. Вражеские бомбардировщики мгновенно скрылись. Наблюдая за этим зрелищем, мы и не заметили, как они удрали.⁷⁹

На другой день мы уехали с дачи в Ленинград, и в тот же день в сопровождении матери архитектора Шуры Великанова меня отправили к папе в Москву. Так родители распорядились, потому что решили, что Ленинград, самый близкий к границе, станут бомбить в первую очередь. На самом деле почти сразу же начали бомбить Москву, и почти каждую ночь мы из нашего дома на Можайском проспекте ходили в подвал, который называли бомбоубежищем. Потом потребовали, чтобы папа отправил меня в эвакуацию, он перепугался и стал бомбить маму письмами и звонками, чтобы она приезжала, так как меня грозят отобрать. Мама была в ужасе: бабушка одна, Таня на фронте.

Каким-то образом другу нашей семьи Исайе Браудо удалось посадить маму в тамбур на московский поезд. Они дружили. Я смутно помню Исайю до войны, он приходил к нам на Ждановку, на Большую Морскую, всегда при-

носил что-то вкусное, полендвицу,⁸⁰ помогал нам покупать дрова, возил маму и Катю Малаховскую гулять на машине; мама бывала на его концертах. По словам Маляши (Марии Конисской), мама познакомились с Исайей у Алисы Порет, близкой маминной подруги.⁸¹

Мама приехала за мной в начале июля. Родители сняли дачу на станции Луговой под Москвой, мы жили там с семьей Шеломовых⁸² и Радловыми (вместе с Мапой – Лидией Николаевной Радловой и ее дочерью Лизой).⁸³ Каждую ночь стреляли зенитки... А папа и Шеломов каждый день ездили на работу.

Потом мы вернулись в Москву на Можайское шоссе, потому что папу и Шеломова по архитектурным делам отправили в Ульяновск (они оба были комиссованы, у папы был врожденный порок сердца). Спешно собрались и сели на пароход до Ульяновска.

В Ульяновске нас поместили жить в гостиницу, папа ходил на работу. В сентябре я пошла в 4-й класс, заняться до начала школы было нечем, я рисовала с натуры, гуляла вдоль Волги. Берег был высокий, 300 ступеней до вершины. По берегу я собирала чертовы пальцы – останки каких-то животных и относила их в музей. Однажды мама встретила пьяного мужика, который шел по берегу и говорил: «Всем дать по бутылке водки и буханке хлеба! А Советская власть, чтоб ей пропасть». Я часто ходила в театр, многое пересмотрела, помню пьесу «Парень из нашего города»,⁸⁴ она очень мне понравилась.

В это время мама и папа решили расстаться, мне об этом ничего не сказали. Помню, как мы уплывали из Ульяновска в Молотов. В Ульяновске на пристани стояли огромные толпы, все надеялись уехать, запомнилась женщина с грудным младенцем на руках и еще с малышом, она ходила и однообразно жаловалась: «В Ульяновске дорогое мясо...». У мамы был талант общения с людьми, знакомые и незнакомые сразу же откликались на ее просьбы, она легко находила дачи, нанимала нянек, немок и многое другое, с ней было спокойно. С последней навигацией мы уплыли в Пермь.

Начало зимы я не училась. В Перми на другой год пришлось снова поступать в четвертый класс. Папа оставался в Ульяновске, потом его перевели в Свердловск, где работало много московских архитекторов – из тех, кто не был призван в армию. Из учеников Щуко и Гельфрейха было организовано ополчение, вместо автоматов им давали лопаты и грабли, многие погибли.

С Урала папа вернулся в Москву в 1944 году.

Когда мы приплыли в Пермь, на пристани нас встречали Браудо и Катя Малаховская. Они отвезли нас к Альтманам. Какое-то время мы жили у них. Спали под столом, за которым работал Альтман. Однажды пришлось ночевать в гостинице в номере писателя Михаила Козакова.⁸⁵ Мама дружила с его женой Зоей (она была гречанка, поразительной красоты, сын пошел в нее). В это время Зоя находилось под арестом.⁸⁶ Во время обхода мы с мамой прятались в уборной.

Потом Шуня (так по-домашнему мы с мамой и друзья звали Исайю Александровича Браудо) нашел нам комнату на окраине города. Это был свежестроенный двухэтажный дом, где расположилось общежитие Пермского театра

оперы и балета. Наша комната предназначалась для ванной, которую не успели обустроить. Там стояла кровать, тумбочка и стул – это был весь наш скарб. Мы с мамой спали на кровати. Электричества у нас не было. Но мама привезла с собой воск, и мы катали свечи: вкладывали в воск нитку и катали на тумбочке. Воск снова собирали, растапливали и снова катали. У актеров был свет, а в ванной комнате не было, мамин воск пригодился очень.

Я ходила по дому, знакомилась с артистами, разговаривала с ними. Они остались без работы из-за артистов Мариинского театра, которые были эвакуированы в Молотов областной и вытеснили пермяков из их театра.

Шунечка работал в нотной библиотеке Мариинского театра, а Альтман – художником театра. Когда ставили балет «Гаяне» Хачатуряна, Альтман делал декорации и костюмы, и про него пустили эпитаграмму:

Говорят, что на Севане
Мало знают о Натане.
Но боюсь, что и Натан
Мало знает про Севан.⁸⁷

Зато благодаря Шунечке я могла ходить в театр и еще больше пристрастилась к балету, чем в Москве и Ленинграде. Здесь тогда были Уланова, Вечеслова, Балабина,⁸⁸ и я все время смотрела балеты. Бывали отчетные концерты Ленинградского Хореографического училища. Я влюбилась в Вечеслову.

Улица Островского, где мы жили, была страшно длинная, надо было проходить мимо городской тюрьмы, мимо кладбища, и уже за кладбищем, там, где кончалась улица, стоял наш одинокий дом, редкие фонари освещали улицу и днем и ночью. Там я написала свое «гениальное» стихотворение:

Тюрьма и кладбище – врата в нашу хату.
Горят фонари там с утра до заката,
И ветер прохожему веет в лицо,
Прохожий блуждает с крыльца на крыльцо.

Мы, конечно же, постоянно виделись с друзьями – с Альтманами прежде всего.

Помню, как встречали 1942 год. Под городом было поместье поэта-футуриста Василия Каменского.⁸⁹ Он пригласил Ирину Альтман на Новый год, она взяла с собой Катю Малаховскую и меня с мамой. Нас посадили на розвальни, закутали и повезли.

Приехали. Я запомнила, что над дверью была изображена птичка и вокруг надпись дугой: «Как птичка эта Влетайте в дом поэта».

Народу было очень много. Из детей кроме меня был младший сын Каменского, мой сверстник или чуть постарше.⁹⁰ Отец звал его «молодой боярин». Спали вповалку, что ели – не помню, были там четыре дня. Каменский послал нас с Боярином в лес за елкой, и мы вдвоем ее срубили и принесли.

Я очень много танцевала, а Василий аккомпанировал на баяне, сидя на полу.⁹¹ Он устал и ворчал: «Гуля, ты смотри, я весь пуп себе смозолил уже», а я все танцевала. Как ехали домой – не помню.

В конце концов Шунечка нашел нам с мамой комнату на Большевикской улице. На углу была одноэтажная школа, куда меня и определили. Когда заканчивались перемены, по улице ходил сторож и звонил в колокольчик. Очень часто мы писали письма на фронт, отчитывались, сколько собрали железного лома, что учим, как учимся и т. д. В почете было чистописание, и я даже подтянулась. Я писала папе, Танечке на фронт и бабушке, и, конечно, сочиняла.

Из моей тетради «Для сочинений стихов, рассказов и т. д. Ольги Щуко. Город Молотов. № 1».

Пионер помог фронту

Деревня была занята немцами. Часть населения эвакуировалась, часть ушла в леса в партизаны. В деревне осталось очень мало народу. На краю деревни в маленькой избушке жил старый глухой старик со своим двенадцатилетним внуком Андрюшей. Андрюша был круглый сирота, у него никого не было, кроме деда. Андрюша был свидетелем того, как немцы занимали деревню и издевались над безоружным населением. День и ночь мальчик думал о том, как бы ему помочь своим и навредить врагу. Он каждый день ходил в лес с корзиной, делая вид, что идет собирать ягоды, но на самом деле он искал встречи с партизанами. Наконец случай представился. Он встретил на опушке одного партизана. Тот начал его расспрашивать о том, что делается в деревне. Андрюша рассказал и спросил партизана, не может ли он им чем-нибудь помочь. Партизан ему сказал, что немцы ожидают большой транспорт с боеприпасами, и просил Андрюшу последить за этим, чтобы при первом слухе о транспорте сообщал им в лес.

Андрюша был в восторге. Теперь он уже не ходил в лес, а все время вертелся около сельсовета, где расположился немецкий штаб. Прыгая с ноги на ногу и напрягая память, он вспоминал школу, свой пятый класс, товарищей, уроки немецкого языка. Он вспоминал слова из этого языка и прислушивался к разговору солдат. Наконец он узнал, что транспорт ожидают на днях, и зорко следил, по какой дороге поедут встречать транспорт. Наконец его желание сбылось. Он помчался в лес к партизанам, сказал, и они начали собираться в путь. Андрюша стал просить их взять его с собой. Они сначала не хотели его брать, но потом согласились.

<На обороте:> Это было в Ленинграде. Шел дождь. Темные дома зияли дырами выбитых окон. На улицах никого не было. Кругом тишина. Вдруг послышался гул немецких самолетов. Раздался вой сирены. Из домов начали выходить люди: дети, старики, старухи. Они шли в бомбоубежище. На улицах опять тихо. Везде стоят посты. Самолеты приближаются. Они уже над городом. Послышались звуки взрывов и стрельба зенитной артиллерии. Несколько бомб попало в театр имени Кирова. На крышах стояли посты из юношей. Бомбежка была в разгаре. В это самое время на крыше появился мальчик. Он пробирался между труб, на нем краснел галстук, он был пионер. Быстрой походкой он подошел к первому посту и сказал: «Товарищ постовой, разрешите мне тоже ловить вражеские бомбы». Постовой ответил: «Марш

в бомбоубежище, малышам здесь нечего делать». – «Я не малыш, – обиделся мальчик. – Я – пионер». – «Ну, иди!».

Мальчик радостно бросился в назначенное место.

Стихотворения

* * *

Суровый сорок первый год,
На нас Германия идет.
И вероломно нападая,
Покой и счастье наше нарушая,
Позорным рабством нам грозит.
Но не сбылись ее надежды,
Погибли дерзкие невежды.
И за проступок свой
Засыпаны своею же землей.

* * *

Четвертый год уж люди бьются
За честь и независимость страны.
Пускай же наши флаги гордо вьются.
Вперед! Страны моей отважные сыны.

В Перми меня показывали матери Вечесловой,⁹² которая преподавала в балетной школе. Жила она, как и все Мариинские, в общежитии, в центре города. Мать Вечесловой согласилась взять меня на лето в школу, которая была в деревне Полазна. Там я познакомилась с балетным классом, в котором училась Катя Малаховская. Она следила за мной, помогала мне во всем (даже вшей вычесывала). Лидером моего балетного класса была Неля Кургапкина,⁹³ рослая и хорошенькая, она выделялась из всех, к ней относились подобострастно.

В конце августа 1942-го я вернулась из Полазны в Пермь и осенью пошла в школу в четвертый класс.

До войны я Ирину Щеголеву знала меньше, чем Мусю Малаховскую. Когда умер мой дедушка, меня отвезли к Альтманам на несколько дней, у них я читала много книг, помню «Паж цесаревны» Чарской, про Анну Иоанновну.⁹⁴ Я захлебывалась этим романом, а было мне тогда шесть лет. Помню, как праздновали день рождения Кати после войны. Мама нарядила нас – Катя была Екатерина Великая, а я – Павел I. В какой-то момент в разгар веселья кошка Барышня накинулась на меня и подрала мне в кровь ноги и, что самое обидное, шелковые чулки. Был переполох, но все обошлось.

Когда мы поселились в деревянном доме на Большевицкой улице рядом со школой, мы часто ходили к Альтманам в гости, иногда играли в фанты, в «Барыня прислала сто рублей» и др. Ирина часто приходила к нам, особенно когда у мамы родилась Настя. Она маму опекала. После войны в Ленинграде, когда Катя и Валя Малаховские жили у Альтманов, я постоянно бывала у них.

Ирина всегда была очень красива и в то же время чем-то напоминала Петра I. До войны родители и их друзья часто снимали разные сценки, у меня сохранились фотографии Ирины в образе Петра, есть несколько снимков, изображающих «Портрет Петра I», сцены «Петр и Алексей» (с папой) и «Петр и Екатерина» (с мамой).

Ирина всегда была весела, очень остроумна, любила компании, гостей. Всегда торжественно справляла Пасху и Рождество, приглашая только православных. Она была помешана на чистоте. Приходя к ним, можно было застать ее на четвереньках, полирующую паркет. Чулки она штопала особым образом – с двух сторон.

У Ирины Альгман был в Москве друг Б. Вл. Иогансон,⁹⁵ который еще в войну помогал ей посылками из Свердловска (кофе, табак, чай, сахар, туфли для Кати, коньяк и др.). После войны он иногда приезжал в Ленинград, и мы устраивали сборища на Мойке, веселились, угощались.

Однажды (тогда я училась в Университете) Борис, приехав в Ленинград, пригласил к нам цыган из театра «Ромэн». И у нас была «цыганская ночь». Была наша семья, Ирина с Валечкой и Катей, Иогансон.

Был цыган с гитарой, цыган-танцор и цыган-певец, пожилая дородная цыганка и две известных актрисы, которые божественно танцевали. Одну из этих цыганок звали Ляля Черная.⁹⁶ Все это продолжалось до утра, а утром мы с Валькой от нас пошли в Университет в полном восхищении от происшедшего.

Когда мы оказались в Молотове, я не понимала, почему мы здесь. Я была в восторге, что здесь Мариинский театр, балет, Уланова, Ирина, Натан, Катя и т. д. Сначала мы жили у Альгманов, потом в доме на улице Островского, который я описала выше. Наконец, мы поселились в доме на улице Большевистской, в комнате на первом этаже, которую нам уступила хозяйка. Сама она с дочерью и внуком жила в другой комнате. Здесь мы жили втроем – я, мама и Исая. И здесь я ничего не поняла! Шунечка занимался на рояле, который стоял в нашей комнате, к нему приходили ученики.

Поначалу я не догадывалась, что происходит. Только после рождения Насти я начала что-то понимать и стала выражать свое возмущение, порой в весьма грубой форме. Шунечка и мама все это терпели. Когда мы вернулись в Ленинград, я порой тоже хамила, и Шунечка уходил из дома. Со временем я смирилась, оценила его талант, ум, юмор. Он воспитывал меня вплоть до своей смерти (умер в 1970 году). Я благодарна ему за все. Он пытался учить меня музыке, даже говорил, что я способная. Но я всегда спорила, каким пальцем брать клавишу, и потому впоследствии занималась не с ним, а с его ученицами.

Когда в старших классах я стала ходить в театры, на концерты, в компашки, он, приходя с работы, спрашивал меня: «Гуля, когда начало?!». Когда мама ездила в Москву, а у меня были сборища, он по телефону говорил маме – у Гули гости, они меня угостили винегретом... Когда я вышла замуж и стала с моим мужем Андреем⁹⁷ жить у Танюши, Шунечка позвал меня и спросил, сколько денег я даю Танюше (она была уже на пенсии). Я сказала, а он говорит: «Ты должна давать ей больше, чем она тратит, учти это». Когда к нам

на Мойку приходил Глеб Горбовский⁹⁸ и назвал нашу маму «мама», Шуня шутил «Лидочка, не Глебом единым». Он был очень остроумен, его фразы: «Исполнитель, не отягощенный исключительной эрудицией», «Лидочка, где моя страхадла?» (кофта). Удивлялся, когда я говорила о музыке Баха: «Правильно подмечено».

14-го сентября 1942 года у мамы родилась Настя. Я настаивала, чтобы папе poslali в Свердловск телеграмму, что у него родилась дочь. Но все окружающие уверяли меня, что папа тут не при чем. Я не могла этого понять никак.

Когда Насте исполнилось четыре месяца, я написала ей стихи.

Наша Настя

Настя – ласточка, певунья наша,
Нет младенцев ее краше.
Кулачок засунет в рот,
С разговорчиком сосет.
Но в постельке не лежит,
Как положишь, так кричит.
Только сядет на «попа»,
Так уж снова весела.
Кашу варим ей теперь,
Ест ее она, как зверь.
Как отнимешь, сразу в рев,
Словно стадо тут коров.
Ее положим на живот,
Она головку задерет
И повернет, и вдруг уронит,
Но очень скоро устает.
Четыре месяца уж ей,
Реснички длинные у ней...
Кончаю я теперь рассказ,
Уходит мамочка как раз,
И Настичку носить мне надо.
А слишком длинненький рассказ
И скучно и не надо.
С почтеньем всех целую вас,
Желаю пить хороший квас
И слушать вам стишки
Гораздо лучше, чем мои.

Далее следовал портрет Насти, который я нарисовала.

Позднее Евгений Шварц, с которым мои родители дружили с довоенных времен,⁹⁹ сочинил для Насти свой стишок:

Миленькая Настенька,
Ты такая душечка,
Спи, моя зубастенька,
Вот тебе подушечка.¹⁰⁰

Сначала Настя спала на сундуке, а потом Ирина Альтман купила ей на улице за две с половиной буханки хлеба бельевую корзину с двумя ручками по бокам. Мама обшила ее какими-то жалобными кружавчиками, и Настя спала в ней. Когда у нее начали резаться зубы и ее стали отлучать от груди, она громко плакала, а я жалела ее и ругалась с родителями: «Как вам не стыдно так издеваться над ребенком!».

Настя часто капризничала, и наша хозяйка говорила: «Что такое? Уросит и уросит!» (по-пермски: ноет и ноет), и еще говорила: «Дети у тебя декошарье» (по-пермски – глазастые). Настя пошла рано, в девять месяцев, и рано начала говорить, на своем языке. Однажды я принесла из Театралки (театральной столовой) обед в судках. Когда их расставили на столе, она подошла, посмотрела на первое и второе и сказала: си-си и га-га (пи-пи и ка-ка). Шуня был в восторге и тут же прокомментировал: «Надо же! Она разобралась!».

Вся наша жизнь проходила под рояль, поскольку Шуня сам занимался, да еще к нему приходили ученики. Моя обязанность была ходить с судками за обедом в театральную столовую в центр города. Там я встречала артистов Мариинского театра, Уланову с Завадским¹⁰¹ и других. После какого-то балета меня сводили к Улановой в гримерку, познакомили.

Мама переписывала много нот, часто я ей помогала. Иногда она доставала себе надомную работу, из Кишинева доставляли картонки, на которых мы с нею рисовали картинки для новогодних украшений. Так прошло два года. За это время к нам из Свердловска один раз приезжал папа, потом Шунечка уезжал в Москву с концертами и по каким-то делам. У меня сохранились стихи, которые я подарила маме к восьмому марта 43-го года. Ей очень нравилась пьеса «Заговор императрицы»,¹⁰² она не раз смотрела ее в театре и очень смешно рассказывала и изображала разные эпизоды. Вот что я написала в своем поздравлении.

Мамочке на память от Гули в день 8-го марта 1943-го года

Ты Российская царица,
Ты любила веселиться,
Но укатила ты от своего двора. –
Так как в Ленинграде страшная жара:
Летают пули низко,
Резервы немцев близко.
Прилетела на Урал –
Точно Бог тебя послал.
Ты в провинции живешь,
Суп с лапшой и кофе пьешь.
Тешешь темя гребешком,
Всюду ходишь ты пешком!

Гуля Щуко

В 44-м году нас стали собирать к отъезду в Ленинград, и летом мы отправились домой. Ехали эшеленом несколько дней, я жила на третьей полке и всю дорогу смотрела в окно. А почти двухлетняя Настя бегала по вагону и развлекала пассажиров.

Наконец мы приехали на Московский вокзал. Нас привезли в гостиницу на углу Невского и Желябовой улицы и дали там комнату. Перед входом стоял большой медведь, позднее в этом доме разместился театр Эстрады. Комната была большая и совершенно пустая. Меня оставили с больной Настей, у нее была температура под 40. Родители ушли в Мучной переулок, где в доме № 1 была квартира бабушки, хотели узнать, можно ли там поселиться. Бабушкина двухкомнатная квартира была занята людьми, у которых разбомбило жилье. Две женщины и мальчик лет восьми, жившие там, переехали в маленькую комнату, а мы обосновались в смежной большой.

Мама чудом каким-то нашла телегу, на которой мы перевезли наш скарб на Мучной. Вся обстановка бабушкиной квартиры сохранилась, так что можно было жить. Кухня была очень большая, ели на кухне. Там же стояла и ванна. Я ходила каждый день в женскую консультацию за смесями для Насти. Помню, была смесь Черни,¹⁰³ очень вкусная, Шунечка говорил, что с удовольствием бы питался такой смесью.

Город был полупустой. Когда я ходила по домашним делам, то слышала только звук от моих шагов, босоножки на деревяшках звонко стучали по тротуару. Вокруг стояли разрушенные дома, все было мрачно. На первом этаже во дворе жил дворник с семьей, калитку на ночь закрывали, и надо было стучать, чтобы он открыл вход. На нашей лестнице все квартиры выходили на галерею. Днем на галерейке сидели женщины, и бегали дети. Наша Настя тоже бегала там. Во дворе сушили белье. Про Шуню наша хозяйка в Перми говорила: «Все воруют, а вот честный человек, профессор, как белье повесят, так все рваное». Еще про Шуню говорили: «Да какой яврей-то <так!> он, белой булки не достанет».

Потом эти галереи снесли.

Папа часто писал маме и по телефону просил, чтобы меня отправили к нему в Москву. Он давно не видел меня и хотел, чтобы я пожила у него. И вновь меня с какой-то оказией отправили в Москву, и там с 1-го сентября я пошла в школу в своем дворе, в шестой класс.

Жизнь была в нашем дворе бурная, мы играли в классики, в штандор, в лапту. У моей подруги был велосипед, мы стояли в очередь прокатиться. Помню, муж Милы Дилакторской, архитектора,¹⁰⁴ собрал нас, чтобы учить играть на арфе. Он был музыкант. Но арфу нигде не смогли достать, и занятия кончились, не начавшись. Дома у папы стоял рояль, но я не хотела заниматься.

За папой ухаживали женщины, в одну из них, Марину Турчанович, я сильно влюбилась и посвящала ей стихи. Она работала, кажется, на радио.¹⁰⁵ Папа возил меня с собой на ВДНХ, по его проекту возводили новый Главный павильон. Там при входе до войны стоял старый Главный – дедушкин, но решили строить новый. Построили еще до окончания войны. Помню, как мы с отцом пировали там в ресторане.

Зимой к нам приехала из Алма-Аты Татьяна Сергеевна Никольская¹⁰⁶ (ее послала баба Оля передать отцу письма, которая познакомилась с ней в Алма-Ате). Она жила на улице Калинина у библиотеки Ленина. Я тут же

влюбилась в нее по уши и стала требовать, чтобы папа на ней женился. Папа был мною заторкан. Он не был еще разведен с мамой, и вопрос о разводе не стоял. Однако зимой Татьяна переехала к нам, а следом за ней появился Котька, ее сын, который поселился в моей детской комнате. Началась общая жизнь. Училась я ничего, по арифметике, химии и физике были тройки, но я не унывала.

Вскоре начались салюты в честь взятия городов. В квартире было два балкона, один на улицу Дунаевского, другой – во двор, оттуда и были видны салюты со стороны Красной площади. Было件нятно, что война идет к концу.

В ночь с 8 на 9 мая мы с Котькой легли спать, а папа с Татьяной пошли наверх к друзьям Великановым¹⁰⁷ посидеть. Ночью они по радио услышали о полной капитуляции Германии. Они прибежали к нам в комнату, зажгли свет и сказали нам об этом. Утром надо было идти в школу, но объявили, что занятий не будет. Мы с Котькой побежали на Красную площадь, сели в троллейбус до Киевского вокзала, там пересели на другой и пришли на площадь. Там кишел народ. Вдруг люди стихийно побежали к американскому посольству на Моховой. Американцы сидели на окнах, пили вино, что-то кричали, бросали бокалы вниз и показывали пальцами победу: V. Нас пустили во двор, начали брататься с американцами.

Потом толпа решила идти в Замоскворечье к английскому посольству. По дороге качали всех военных, обнимали, целовали. Пришли к англичанам. Все было закрыто, темно, в окнах нет света, никакого праздника. А народ хотел брататься, стали трясти ворота, кричать. Вышел бледный, испуганный человек и стал умолять уйти, не устраивать дебоша. Мы поплелись обратно, еще кого-то покачали, покричали и пошли по домам.

А вечером был назначен салют из 101 залпа. Мы поехали на Красную площадь. Народа была тьма. Лучи прожекторов скрещивались на небе и в этих лучах висел огромный портрет Сталина.

Салют закончился, вернулись домой. Началась обычная жизнь, экзамены, домашние дела. В эти дни из заключения вернулся Борис, папин брат, и стал жить у нас на кухне. Все наши знакомые архитекторы приходили посмотреть на Бориса, бурно общались, подолгу с ним разговаривали.

Летом я еще была в Москве, когда из Алма-Аты приехала баба Оля и стала жить в нашей комнате. Котьку куда-то убрали, и она спала со мной. Это был последний раз, когда я ее видела, в 1945 году, уже после моего отъезда в Ленинград, она умерла.

В 1947 году, когда мне исполнилось 16 лет, мы получили путевки в дом творчества композиторов, который находился недалеко от населенного пункта Сортавала на Карельском перешейке, в бывшей даче Маннергейма.¹⁰⁸ Для того, чтобы ехать, нам требовались паспорта, так как это была приграничная зона, в 12 километрах от границы с Финляндией. Как раз в то лето я получила паспорт. Я хотела сменить имя Елизаветы на Ольгу. Мне ответили, что я должна написать заявление и послать в Москву, приложив к нему 100 рублей, и ждать ответа. Но так как мой паспорт был нужен немедленно, то я получила его на прежнее имя.

Мы приехали втроем: мама, Настя и я. Нас поместили не в главном здании, там было все занято, а в доме на берегу озера, в котором жили другие композиторы и музыканты с семьями. В то лето там отдыхали Дзержинский, Ключнер, Кочуров.¹⁰⁹ Мы с ними дружили. Жили и москвичи. Был дирижер Большого театра с женой Пазовский,¹¹⁰ он снимал нас на кинокамеру и многих других, о ком я не помню.

Помню прогулки на катерах, нас возили на острова, где были заброшенные финские усадьбы, там росли ягоды. Мы собирали малину. Ездили на Валаам, монастырь был в разорении, в храме не было купола, вместо него – огромная дыра. Перед входом распятие, лицо Христа было разбито, кусок креста валялся на земле. Я взяла кусочек креста с золоченой буквой. Нас провели к храму тропинкой молчания, по которой мог пройти один человек. Второй раз в очень плохую погоду, во время шторма, мы снова поехали на Валаам. Шлепянов¹¹¹ дал мне в дорогу свое кожаное пальто, я в нем и простояла всю дорогу и не вымокла. Нас было всего четверо: я, мхатовский актер Юра Пузырев¹¹² и родственница композитора Блантера¹¹³ с мужем. У водителя катера был груз, который он вез в другое место, нас он прихватил как левых пассажиров. Волна захлестывала с головой, я простояла на палубе всю дорогу, так как в трюме остальные лежали... Когда мы вернулись, уже ночью, на берегу нас встречали с факелами, обрадовались.

Дом творчества был построен финнами, фундамент из больших валунов, в столовой настоящее дерево – березовые доски. Там часто устраивали музыкальные вечера, главенствовал Иван Иванович Дзержинский. Он показывал, как играют разные музыканты, комически передавал манеру пианистов.

Настя все время ходила в главное здание заниматься на рояле. Напротив входа в дом творчества сидели отдыхающие. Настя была совсем маленькая, ей было пять лет. Однажды, когда с нотной папкой она выходила после занятия, ее встретил Дзержинский и сказал: «Ну что, Настя, Бах-бах на советских хлебах?».

Детство у Насти было трудовое. В четыре года она начала заниматься музыкой на бабушкином рояле, а после переезда в квартиру на Мойке поступила в школу-десятилетку при Консерватории, в нулевой класс. В дальнейшем, куда бы ни ездили летом, для нее находили людей, у кого есть инструмент, и она ежедневно два часа, а то и дольше занималась музыкой. В музыкальной школе Настя сидела за одной партой с Томиком Зандерлингом,¹¹⁴ дома она жаловалась, что во время уроков он все время шептал ей матерные слова, даже хотела пересест за другую парту. У нас сохранились фотографии, где Настя и Томик совсем маленькие вместе.

В доме творчества отдыхала знаменитая Мария Юдина.¹¹⁵ Она была очень полная, носила черный балахон и распущенные волосы. Общалась с молодыми композиторами из Эстонии. С одним из них она поплыла на лодке, их унесло течение, и неожиданно они очутились на границе, где их схватили пограничники. Начался переполох, директору дома творчества пришлось ехать их вызволять, так как документов у них при себе не было. Потом было много шуток и сенок на эту тему, Мария Вениаминовна изображала женщину

с веслом¹¹⁶ и играла на рояле. Она участвовала во всех наших живых картинах и шутках.

Иногда ночью мы ходили с факелами ловить сачками раков, все это организовывали Шлепянов и дирижер какого-то крупного московского хора, имени не помню. Раков была тьма, мы их вылавливали ведрами из небольших ям у берега. Потом на кухне нам варили этих раков, и все наслаждались. Шлепянов называл меня «Симпомпон», на что я сильно обижалась.

Живые картины устраивали часто. Однажды я участвовала в сцене на балконе из «Ромео и Джульетты». Джульеттой была дочь композитора из Узбекистана, из Ташкента – Ашрафи,¹¹⁷ я была Ромео. Пазовский нас снимал. Он много снимал разных живых картин, но мы из этого ничего не видели, так как он увез все в Москву. И фотографий того времени не осталось, жаль. Есть только одна, где я сижу на крылечке дома творчества с директором – Михаилом,¹¹⁸ фамилии не помню. Фотоаппараты были редкостью тогда.

Когда я уже работала, мы ездили на Валаам, но все было иным, я ничего не узнавала.

Я росла в музыкальной среде, повседневная жизнь нашей семьи – репетиции, концерты, ноты, инструменты, ученики Исаяи, музыканты (Настя, окончив школу, поступила в Консерваторию в класс органа и фортепьяно к отцу). Повзрослев, я порою остро чувствовала свою несостоятельность, никаких особых музыкальных талантов у меня не наблюдалось. В пятнадцать лет или чуть постарше я была робкой, казалась себе бездарной и некрасивой, всего боялась, не могла за себя постоять.

Мама решила показать меня гипнотизеру, чтобы он со мной поработал и дал мне уверенность в себе. Я ходила на эти сеансы на частную квартиру, где-то в нашем Октябрьском районе (как теперь понимаю, такого рода медицинскую деятельность в те времена не приветствовали и не афишировали). Он меня усаживал, разговаривал со мной, потом начинал погружать меня в сон: «Вы должны уснуть», и еще что-то говорил при этом. А поскольку я не засыпала, его пассы никак не действовали на меня, то притворялась, что засыпаю. Эти сеансы ничем мне не помогли. Я осталась после них такой же, какой была до того.

Однажды я встретила там Ольгу Мравинскую,¹¹⁹ жену дирижера, с которой была знакома по концертам в Филармонии, часто мы сидели в одной ложе справа от оркестра. Мы поздоровались, она мне сказала, что приходит лечиться от курения. Она научила меня народной чешской песенке, которую привезла из Чехии, куда они ездили вместе с Мравинским на гастроли, до сих пор помню эту песенку. Прощаясь, Ольга Алексеевна говорила: «Рукулибам» – целую ручки.

Так и не знаю, помог ли ей этот гипнотизер.

В 1950 году я окончила среднюю школу. Нужно было решать, какую выбрать специальность, чем заняться в будущей жизни, куда поступить учиться дальше. Я очень хотела изучать западноевропейское искусство, много

читала об этом. Оказалось, что на эту кафедру приема нет... Друг моего детства Валя Малаховский собирался в ЛГУ на факультет географии. Он меня уговаривал поступать туда же. Дома собрали совет – мама, И. А. Браудо и Ирина Альтман обсуждали разные варианты. Сошлись на том, что география близка геологии, очень интересная и нужная профессия, и остановились на ЛГУ. После сдачи вступительных экзаменов я поступила на географический факультет, на кафедру геоморфологии (изучения рельефа Земли и геологического обследования разных природных объектов).

В 1955 году я получила диплом, по распределению меня направили на работу в Ленгидропроект. Моя дальнейшая жизнь проходила вдали от близких – «в поле», в экспедициях мы занимались обследованием территорий, пригодных для возведения гидроэлектростанций. В моей университетской и «полевой» жизни было немало интересных встреч и событий, но об этом расскажу когда-нибудь в другой раз.

¹ Землетрясение произошло 1 мая 1929 г. в пограничной области Туркменистана и Ирана, близ иранского города Боджнурд и туркменского поселка Гермаб; в самом Гермабе сотрясения достигали X баллов, в соседнем Геок-Тепе и Ашхабаде до VIII баллов по шкале MSK-64. В Ашхабаде из 522 зданий государственных учреждений было повреждено 187 или 36 % от всех. Вплоть до начала 1990-х гг. информации о землетрясении была засекречена.

² Реальную дату рождения в ЗАГСе могли изменить из опасения административных нареканий в связи с задержкой регистрации.

³ Родители Николая Николаевича – Черносвитовы *Александра Ивановна* (урожд. Пушкина; 1840–1934?) и Николай Петрович (1848–1908) – присяжный поверенный, с 1873 г. управляющий канцелярией Тульского губернатора, с 1886 г. – депутат дворянства Веневского уезда; в Венева владел крупным винокуренным заводом.

⁴ *Шютценбергер Поль* (Paul Schützenberger; 1829–1897) – французский (эльзасский) химик, в 1876–1897 гг. заведовал кафедрой неорганической химии факультета физических наук в Коллеж де Франс; был первым директором созданной в 1882 г. Парижской Высшей школы промышленной химии (позже Высшая школы промышленной физики и химии города Париж, *École supérieure de physique et de chimie industrielles de la ville de Paris*, ESPCI ParisTech), в 1882 г. награжден Орденом Почетного легиона, в 1884 г. избран членом Парижской медицинской академии, в 1888 г. членом Французской академии наук. (За эти сведения благодарю О. А. Блинову).

⁵ См. о ней вступ. статью.

⁶ По документам Л. Н. Черносвитова родилась в 1908 г., возможно, реальная дата рождения была изменена при получении паспорта.

⁷ Метрика Г. В. Шуко сохранилась в архиве семьи Шуко (РО ИРЛИ, ф. 922).

⁸ Третье Парголово (Больше-Вологодская слобода) – местность под Петербургом рядом со станцией Парголово, по Выборгской железной дороге, в начале XX в. популярное дачное место.

⁹ Небольшое имение Щучье на берегу реки Осётр, в 10 километрах от уездного города Венева Тульской губернии, принадлежало Н. П. и А. И. Черносвитовым; Анна Ивановна унаследовала его от отца Ивана Алексеевича Пушкина (1804–1875). После революции в национализированном доме Черносвитовых разместилось «Убежище социального обеспечения (дом-интернат)»; в 1930-х гг. в селе был создан колхоз «Красный боевик» (<http://www.veneva.ru/Shuchie.html>; дата обращения 02.07.2018).

¹⁰ См. вступ. статью.

¹¹ См. вступ. статью, примеч. 35.

¹² Н. Н. Чеботаревский умер в 1900 г., талантливый адвокат; научные труды: Вавилонский контракт 666 г. до Р.Х. (Юридический Вестник. 1889. № 1); *Р. Дарест*. Исследования по истории права / пер. Н.Н. Чеботаревского (СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1894).

¹³ См. вступ. статью, примеч. 6.

¹⁴ Сведениями о второй жене Н. Н. Чеботаревского мы не располагаем; предположительно, дочь Эдуарда Осиповича Вивьена (1821–1897). Вивьен преподавал игру на фортепиано и теорию музыки, выступал в концертах как пианист и аккомпаниатор; автор романсов, песен и маршей, некоторые пользовались популярностью; одно время дирижировал оркестром Малого театра в Москве.

¹⁵ *Чеботаревская Евгения Николаевна* участвовала в подготовке издания: Ясная Поляна: Статьи. Документы / сост.: С. А. Толстая-Есенина, Э. Е. Зайденшнур, Е. Н. Чеботаревская; под ред. И. И. Минца, С. А. Толстой-Есениной. М.: Госполитиздат, 1942; предположительно автор путеводителя: Толстовский музей: путеводитель / Акад. наук Союза ССР. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1928. Работала в доме-музее в Хамовниках, на ул. Льва Толстого (до 1926 Большой Хамовнический пер.).

¹⁶ ВХУТЕИИ – высшее учебное заведение, созданное в сентябре 1922 г. на базе Петроградских Высших государственных художественно-технических мастерских бывшей Академии художеств.

¹⁷ *Мазинг Борис Владимирович* (1898–1942) – журналист, театральный критик.

¹⁸ *Гейченко Семен Степанович* (1903–1993) – пушкинист, писатель; в 1925–1938 гг. работал научным сотрудником в петергофских дворцах-музеях и др.; в 1938–1939 гг. старший научный сотрудник в Русском музее, в 1939 г. – в Литературном музее Пушкинского Дома (ИРЛАН). В 1941 г. был арестован по доносу, осужден и приговорен по статье 58 (10) п. 2 к 10 годам лагерей; освобожден в 1943 г. и мобилизован на фронт; с 1945 г. директор мемориального музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» в Псковской области.

¹⁹ Письмо от 26 февр. 1996 г., архив Е. Г. Щуко.

²⁰ Больница им. Эрисмана – клиническая база Первого медицинского института им. акад. И. П. Павлова, находится на Петроградской стороне (ул. Льва Толстого, д. 4), названа в честь Федора Федоровича Эрисмана (наст. имя Гульдрейх 1842–1915), основоположника научной гигиены в России.

²¹ В квартиру в Мучном переулке (д. 1) О. Н. Черносвитова переехала в 1939 г.

²² *Кийко Евгения Ивановна* (1923–2006) – литературовед, сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом), см. статью о ней: Пушкинский Дом: материалы к истории 1905–2005. СПб., 2005. С. 454; ее воспоминания об О. Н. Черносвитовой в кн.: *Мануйлов В.А.* Записки счастливого человека: Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов / под ред. Н. Ф. Будановой. СПб., 1999. С. 432–433.

²³ Во время блокады умерших хоронили в братских могилах.

²⁴ *Иванова Ирина Разумниковна* (1908–1996) – в 1925–1927 гг. училась на Высших курсах искусствознания при Российском институте истории искусств по специальности «История и теория музыки», в 1928 г. поступила на радиотехническое отделение Ленинградского морского техникума, который окончила в 1930 г. После 1953 г. вернулась из ссылки в Ленинград, работала в радиоцентре Балтийского морского пароходства. Вероятно, Ирина Разумниковна навестила О. Н. Черносвитову по просьбе отца, бесплочногого судьбой части оставшегося у нее на руках сологубовского архива. В 1920-е гг. Иванов-Разумник был дружен с Сологубом и семьей Черносвитовых; в 1928 г. вместе с Д. М. Пинесом он помогал О. Н. Черносвитовой разбирать и описывать архив Сологуба перед передачей его в Пушкинский Дом (см. в нашей публ.: Письмо О. Н. Черносвитовой Т. Н. Чеботаревской // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 317–320; Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / публ., вступ. статья и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 555–560); организовывал вместе с нею вечера памяти Сологуба (1 февр. и 5 марта 1928 г.), собирал сборник памяти

Сологуба (издание не состоялось). Отдельные рукописи Сологуба отложились в архиве Иванова-Разумника (РО ИРЛИ, ф. 79, п. 4). Подробнее см.: Иванов-Разумник в переписке с Федором Сологубом и Анастасией Чеботаревской (1910–1927) / вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 446–451.

²⁵ Согласно записи в Деле фонда Ф. Сологуба (№ 289), И. Р. Иванова передала в Пушкинский Дом рукописи, письма и др. материалы 15 апр. 1942 г. (поступ. № 1), см.: РО ИРЛИ. Дело фонда № 289, л. 95.

²⁶ *Мануйлов Виктор Андроникович* (1954–1988) – литературовед; в 1951–1977 гг. профессор Ленинградского университета; в 1942–1944 гг. – уполномоченный Президиума АН СССР по ИРЛИ, ответственный хранитель неэвакуированной части фондов Института; об этом времени см.: *Мануйлов В. А.* Записки счастливого человека... С. 353–361 (гл.: Вспоминая блокадные дни). Кийко вспоминала, когда под руководством В. А. Мануйлова «в архиве Пушкинского Дома были созданы условия для хранения новых поступлений, мы с ним на саночках перевезли туда архив Ф. Сологуба» (С. 433).

²⁷ *Иванов Разумник Васильевич* (1878–1946) – литературный критик, историк общественной мысли, писатель; в феврале 1942 г. при отступлении немцев из оккупированного г. Пушкина Иванов-Разумник и его жена Варвара Николаевна (урожд. Оттенберг; 1881–1946) были эвакуированы в Германию, в числе лиц немецкого происхождения.

²⁸ Речь идет о части архива Сологуба, которая не была передана в Пушкинский Дом в 1928 г. вместе с основным корпусом рукописей и документов и хранилась на квартире у О. Н. Черносвитовой. После войны эти материалы передала в Рукописный отдел Л. Н. Шуко, (поступление 24 июня 1946 г. и 1 июля 1947 г., о чем сделана запись в Деле фонда № 289, л. 95).

²⁹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 4, ед. хр. 96. Оpubл.: Воспоминания Т. Н. Черносвитовой о смерти А. Н. Чеботаревской-Сологуб, записанные Л. Н. Шуко / публ. М. М. Павловой // *Memento Vivere*. Сборник памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 494–497.

³⁰ Переписка сестер Чеботаревских хранится в фонде Сологуба: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, ед. хр. 8, 310, 322; в фонде Ал. Н. Чеботаревской: ф. 189, ед. хр. 173, 175, 178–180.

³¹ *Шука Станислав Антоний* (1654–1710) – выдающийся государственный деятель Речи Посполитой, с 1875 по 1896 г. секретарь польского короля Яна Собеского III, посол (ратовал за союз Речи Посполитой с Россией); великий Литовский подканцлер (1699–1710).

³² *Шуко Борис Владимирович* (1906–1965) – театральный художник. *Наталья Владимировна* (1908–1982) – жена художника «Ленфильма» М. А. Кроткина (работала в институте «Ленгидропроект», который размещался в кинотеатре «Родина», потом была домохозяйкой, обладала прекрасными вокальными данными, которые, к сожалению, не получили развития. – Сообщено Е. Г. Шуко). *Андрей Владимирович* (1910–1941) – учился во ВХУТЕИНе, помогал отцу при работе над проектом Дворца Советов (домашнее прозвище: «помоганец»), погиб в бою на Невской Дубровке. *Марина Владимировна* (1915–1979) – актриса провинциальных театров, народная артистка РСФСР (1974), с 1954 по 1979 г. выступала на сцене Вологодского театра, возглавляла Вологодское отделение ВТО.

³³ Примеч. Е. Г. Шуко: «Видимо, во время учебы он жил у нас. Спустя многие годы я встретила его в Гидропроекте, выхожу на лестницу, а он из кабинета: “Петя!” – “Гуля!” Оказалось, мы работали рядом, но в разных отделах».

³⁴ *Павлицкий Иосиф Теофилович*, сын полковника, окончил университет в Льеже (Бельгия), владел несколькими европейскими языками, работал главным инженером английской электротехнической компании, в 1919 г. вернулся на родину, преподавал электротехнику во многих ленинградских вузах, сталинские репрессии его не коснулись, подробнее о нем см. в воспоминаниях его внука: *Валерий Слѣзин*. Россия – страна ненормальных людей // <https://www.livelib.ru/book/111703/readpart-rossiya-strana-normalnyh-lyudej-valerij-sljozin> (дата обращения: 08.07.2018). Сохранились три его письма (1910–1917) к Ан. Н. Чеботаревской: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, ед. хр. 195.

³⁵ Балет П. И. Чайковского «Спящая красавица», возобновленный на советской сцене в 1922 г. Ф. В. Лопуховым (в постановке М. Петипа), был в постоянном репертуаре Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова, спектакль с успехом шел в 1935–1936 гг., дирижер – Е. А. Мравинский. Партию злой феи Карабос в эти годы танцевали: Владимир Эдуардович Томсон (1900–1975) – с 1928 г. солист ГАТОБа им. Кирова; Леонид Сергеевич Леонтьев (1885–1942) – балетмейстер и педагог; создатель новой школы мимической игры балетных актеров.

³⁶ О семье Малаховских см. вступ. статью.

³⁷ *Умная Маша* – персонаж популярных советских комиксов, печатавшихся в журн. «Чиж» в 1930-е гг. (Маша попадает в различные сложные ситуации и находит из них остроумные выходы). Главным иллюстратором комиксов был Б. Малаховский, тексты к картинкам писали Н. Гернет, Д. Хармс и др. В 1937 г. многие авторы «Чижа» были арестованы (Б. Малаховский расстрелян), выпуски комиксов про Машу прекратились.

³⁸ Имеется в виду издание: *Толстой А. Н.* Золотой ключик, или Приключения Буратино / рис. Б. Малаховского. Л.: Ленингр. отд-ние изд-ва «Детская литература», 1936. Книга была сдана в производство в августе 1935 г., параллельно она печаталась по частям в газ. «Пионерская правда» (7 нояб. – 30 дек. 1935 г. и 2–18 янв. 1936 г.).

³⁹ См. вступ. статью, примеч. 13.

⁴⁰ *Тернавцева Мария Адамовна* (урожд. Арцимович; 1872–1942) – жена Валентина Александровича Тернавцева (1866–1940), мать Марии Малаховской и Ирины Щеголевой.

⁴¹ *Томашевский Николай Борисович* (1924–1993) – литературовед, переводчик, в 1950 г. окончил филологический факультет ЛГУ, преподавал в Литературном институте им. М. Горького, читал курсы в Римском университете и др.; сын литературоведа, пушкиниста Бориса Викторовича Томашевского (1890–1957).

⁴² По-видимому, певица принадлежала к известной династии цыганских артистов Шишкиных (в 1890–1900-е гг. большой популярностью пользовался хор Н. И. Шишкина), вероятно, родственница или дочь знаменитой певицы Елены Егоровны Шишкиной (1869–1942?). В собрании Е. Г. Щуко хранится фотография Жени Шишкиной с дарительной надписью А. Н. Чернозитовой (Саше); во внешнем облике дарительницы наблюдается полное сходство с Е. Е. Шишкиной, см. ее портрет и о ней: *Бауров К. А.* Репертуары цыганских хоров старого Петербурга. СПб., 1996. С. 27–29 (глава «Петербургские хоровые цыгане, имена которых упоминаются в публикациях (период с 1850 по 1917 гг.)). Бауров сообщает, что Е. Е. Шишкина и ее дочь умерли во время блокады на улице «в одночасье» (с. 29); в составленном автором списке артистов цыганского хора Шишкиных Елена Егоровна и Женя названы одна за другой (№ 215 и № 216) (с. 57).

⁴³ Ср. воспоминания Анны Леонидовны Поляковой (дочери архитектора Л. М. Полякова): «Вспоминаю детские праздники в Ленинграде, с детским самодельным оркестром, разными представлениями и занятиями ритмикой. Все это происходило в большой квартире Гули Щуко. Помню, как в большой комнате все дети должны были идти по кругу под музыку и делать упражнения. Потом все останавливались и играли на разных инструментах. Мне по малолетству доверяли только отбивать ритм на какой-то колотушке. С тех пор подружился мы с Гулей Щуко, с которой до сих пор поддерживаем дружеские отношения» (*Полякова А. Л.* Минувшее проходит предо мною... М., 2010. С. 12).

⁴⁴ Два письма из редакции «Чижа» от 14 янв. и 21 февр. 1939 г. с приглашением прийти в редакцию сохранились в домашнем архиве Е. Г. Щуко.

⁴⁵ *Фринка* – собака Л. и Ю. Щуко. *Гарлин Василий* (наст. имя Вильгельм Адольфович Гавенан; 1876–1942) – артист Александринского (1921–1928) и других ленинградских театров, снимался в кино. *Левка – Руднев Лев Владимирович* (1885–1956) – архитектор, ведущий практик сталинской архитектуры, лауреат Сталинской премии первой степени (1949), см. о нем: *Хазанев В. В., Николаева Т. И.* Лев Руднев // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век / сост. В. Г. Исаченко; ред. Ю. Артемьева, С. Прохвятилова. СПб., 2000. С. 264–276; *Алиса* – Алиса Порет,

см. вступ. статью; *Осмёркин Александр Александрович*, см. вступ. статью; *Струве* – вероятно, *Струве Кирилл Васильевич* (род. 1906–после 1940) – преподаватель физики Ленинградского индустриального института, 14 февр. 1940 г. арестован и в июле того же года осужден по ст. 58 п. 10 ч. 1. на пять лет исправительно-трудовых лагерей (источник: База данных «Жертвы политического террора в СССР», Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)). *Миша* – *Грибанов* – неустановленные лица; *Марья Георгиевна* – портниха. *Матрена* – домработница. *Нератов* – *Абрамов-Нератов Анатолий Александрович* (1907–1973) – архитектор, художник, иконописец; выпускник ВХУТЕИНА, работал в мастерской В. А. Шуко над неоклассическими зданиями, реставрацией фасадов главных улиц Санкт-Петербурга, проектами мебели, интерьером Дворца Советов. После войны основал в Гамбурге Школу русской иконописи, резьбы и зодчества. *Соколов Александр Васильевич* (1906–1996) – актер, режиссер; в 1930–1934 гг. актер ЛАТД им. А. С. Пушкина, в 1934–1944 гг. Ленинградского Государственного театра им. Ленинского Комсомола, в 1945–1950 гг. режиссер БДТ, в 1959 г. вернулся в ЛАТД им. А. С. Пушкина. «*Маскарад*» – спектакль Вс. Э. Мейерхольда и А. Я. Головина по драме М. Ю. Лермонтова «*Маскарад*», музыка А. К. Глазунова; премьера состоялась на Александринской сцене в 1917 г., возобновлен в сезон 1938/39 г. по случаю 45-летней сценической деятельности Юрия Михайловича *Юрьева* (1872–1948), исполнителя главной роли (Евгения Арбенина). *Френки* – близкие родственники Фоминых, см. примеч. 54; *Твелькмейер Виктор Федорович* (1902–1956) – архитектор, в 1926 г. окончил ВХУТЕИН (бывш. Академия художеств), преподавал в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им И. Е. Репина при Академии художеств, в 1944–1947 гг. – ректор института; *Беренштамы* – *Беренштам (Бернштам) Федор Густавович* (1862–1937) – художник-архитектор, рисовальщик, искусствовед; член Совета Императорского Общества архитекторов, позднее – председатель Художественной секции Ленинградского общества архитекторов; в 1924–1930 гг. работал в отделе искусств Публичной библиотеки; с 1930 г. заведовал кукольным отделением техникума при ТЮЗе, читал там курс лекций по истории кукольных театров. См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки. Деятели науки и культуры: Биографический словарь. <В 4 т.> СПб., 1999. Т. 2. С. 104–107 (автор статьи: О. С. Острой). *Нинка* – *Нератова Нина Петровна* (урожд. Иванова; 1911–2000) – художница, окончила ВХУТЕИН, обучалась в мастерской А. Осмёркина; жена А. Нератова.

⁴⁶ *О'Коннель Рене Рудольфовна* (1891–1981) – художник-керамист, график; родилась в Париже, училась в Рисовальной школе Общества поощрения художеств, после окончания преподавала в ней; в 1922–1932 гг. работала художником на Государственном фарфоровом заводе; в 1912–1917 гг. жена И. Я. Билибина (см. ее очерк «Художник и человек» в кн.: Иван Яковлевич Билибин. Л., 1970. С. 149–159); во втором браке замужем за Сергеем Николаевичем Михайловским (1885–1927), геологом, сыном писателя Н. Г. Гарина-Михайловского; их дети: дочь Ева (рожд. 1919; красавица, была психически не здорова, ушла из дома и пропала) и сын Александр – погиб в эвакуации, утонул. В 1941 г. Рене О'Коннель была арестована и сослана, повторно арестована в 1950-х. См. о ней в дневнике Д. Хармса, запись 22 нояб. и 5 дек. 1932 г.: Дневниковые записи Даниила Хармса / публ. А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 11. С. 457–461, 463, 468.

⁴⁷ Сын Марии Юрьевны Конисской (см. о ней во вступ. статье) и художника Федора Максимова (1909–1942, умер от туберкулеза) – *Максимов Павел Федорович* (род. в декабре 1940) – художник театра.

⁴⁸ *Шуко Наталья Владимировна* – см. примеч. 32.

⁴⁹ *Шуко Андрей Владимирович*, см. примеч. 32.

⁵⁰ *Лука* (др. прозвище – Лукошко) – *Лукашков Михаил Юрьевич* – первый муж Марины Шуко, отец Федора Шуко.

⁵¹ *Ирина* (род. 1935) – дочь Натальи Шуко, *Федор* (род. 193?–1970-е) – сын Марины Шуко.

⁵² *Лялин Олег Леонидович* (1903–1974) – архитектор, художник; окончил архитектурный факультет ВХУТЕИНА.

⁵³ *Свирский Яков Осипович* (1902–1990?) – архитектор; окончил архитектурный факультет ВХУТЕИНА.

⁵⁴ *Моика* – Фомина Моика Игоревна (ум. 2013) – дочь архитектора Игоря Ивановича Фомина (1904–1989), внучка выдающегося архитектора, педагога, историка архитектуры Ивана Александровича Фомина (1872–1934); близкая подруга Кати Малаховской.

⁵⁵ *Людмилочка Давидович* – *Штерн Людмила Яковлевна* (урожд. Давидович; род. 1935), дочь известного ленинградского юриста, профессора права ЛГУ Якова Ивановича Давидовича (1899–1964) и актрисы и писательницы Надежды Филипповны Фридланд (артистич. псевд. Надежда Крамова; 1899–2002) – литературовед, писательница, переводчица, с 1976 г. живет в США, преподает в университете Брандайс; дружила с И. Бродским и С. Довлатовым, автор книг о них: «Бродский: Ося, Иосиф, Joseph» (2001) и «Довлатов, добрый мой приятель» (2005).

⁵⁶ Неустановленное лицо.

⁵⁷ *Левинсон Евгений Адольфович* (1894–1968) – советский архитектор, лауреат Сталинской премии третьей степени (1951), строил в Ленинграде, автор проекта станции метро «Автово», Пискаревского мемориального кладбища (1960) и мн. др.; его жена – Елизавета Ээровна Левинсон (соавтор проекта станции метро «Автово»), архитектурной части мемориала на Пискаревском мемориальном кладбище и др.), см.: *Лисаевич И. И.* Евгений Левинсон // *Зодчие Санкт-Петербурга. XX век* / сост. В. Г. Исаченко; ред. Ю. Артемьева, С. Прохвятилова. СПб., 2000. С. 277–292.

⁵⁸ *Щеголева Ирина Валентиновна, Малаховская Екатерина Брониславовна.* См. вступ. статью.

⁵⁹ *Тернавцева Мария Адамовна*, см. примеч. 40.

⁶⁰ Домашняя портниха (примеч. Е. Г. Шуко).

⁶¹ *Хижинский Леонид Семенович* (1896–1972) – художник, график, гравер, иллюстратор; в 1922–1927 гг. обучался во ВХУТЕИНе на графическом факультете, ученик В.М. Конашевича и Д. И. Митрохина.

⁶² Письмо хранится в домашнем архиве Е. Г. Шуко.

⁶³ *Брюхоненко Наталья Александровна* (1905–1984) окончила филологический факультет МГУ, работала редактором в Госиздате, где и познакомилась с Маяковским. В дальнейшем работала на Центральной студии документальных фильмов; ее воспоминания о Маяковском «Пережитое» см. в кн.: *Имя этой теме: любовь! Современницы о Маяковском* / сост., вступ. статья и коммент. В. В. Катаняна. М.: Изд-во «Дружба народов», 1993. С. 175–210. Воспоминания были написаны в 50-е гг.

⁶⁴ *Киселевская* (в замуж. Успенская) *Светлана Марковна* (1930–1980) – искусствовед.

⁶⁵ *Успенский Владимир Андреевич* (1930–2018) – математик, зав. кафедрой мехмата МГУ, один из инициаторов создания отделения теоретической и прикладной лингвистики филфака МГУ; его брат – *Успенский Борис Андреевич* (род. 1937) – филолог, лингвист, семиотик, историк языка и культуры; профессор МГУ, Института восточных языков в Неаполе, ныне проф. ГУ ВШЭ.

⁶⁶ *Карстенс Дагмара Ингмаровна* (1931–2005) – геолог, работала во ВСЕГИИ – Институт геологии.

⁶⁷ Имеется в виду спектакль ленинградского Театра Комедии «Опасный поворот» (1939) по одноименной пьесе Дж. Пристли (1932), получивший широкое признание, режиссер – Г. М. Козинцев, художник – Н. П. Акимов.

⁶⁸ *Райх Зинаида Николаевна* (1894–1939) – актриса театра, заслуженная артистка РСФСР, вторая жена Сергея Есенина (1917–1921), с 1922 г. – Вс. Э. Мейерхольда, ведущая актриса театра имени Вс. Мейерхольда (1920–1938); убита в ночь с 14 на 15 июля 1939 г. в своей квартире (ей было нанесено множество ножевых ран), убийство произошло через три недели после ареста Мейерхольда.

⁶⁹ *Бобровский Константин Семенович* (1877–1942) – архитектор, в 1904 г. окончил Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств, ученик мастерской Л. Н. Бенуа.

⁷⁰ *Нижинская Марина Казимировна*, в 1935–1939 гг. имела частные балетные классы в Москве; сведениями о ней мы не располагаем.

⁷¹ *Нижинский Вацлав Фомич* (*Wacław Niżyński*; 1889–1950) – российский танцовщик и хореограф польского происхождения, новатор танца; один из ведущих участников

Русского балета С. П. Дягилева; брат танцовщицы Брониславы Фоминичны Нижинской (1891–1972).

⁷² См. примеч. 45.

⁷³ *Мравинский Евгений Александрович* (1903–1988) – дирижер, с 1938 г. – главный дирижер Симфонического оркестра Ленинградской филармонии, возглавлял коллектив 50 лет; первым в 1939 г. исполнил Шестую симфонию Д. Д. Шостаковича.

⁷⁴ *Мравинская Елизавета Николаевна* (урожд. Филкова; 1871–1958).

⁷⁵ *Хижинские* – Хижинские, см. примеч. 61.

⁷⁶ Персональная выставка работ Н. Альтмана (живопись и графика) в 1940 г. состоялась в помещении Ленинградского отделения Союза советских художников на ул. Герцена, 38; о художественных выставках 1940 г. с его участием см. в кн.: *Эткнд М. Г.* Натан Альтман. Л.: Советский художник, 1971. С. 125.

⁷⁷ Архив Е. Г. Щуко.

⁷⁸ *Шурик* – Александр Сергеевич Михайловский (1926–1941), сын Рене О’Коннель и С. Н. Михайловского; утонул, купаясь в реке, по дороге в эвакуацию (Е. Г. Щуко: «моя первая любовь», ей было 8, ему – 18). См. примеч. 46.

⁷⁹ Запись в тетради «Для сочинений стихов, рассказов и т. д. Ольги Щуко. Город Молотов. № 1» (архив Е. Г. Щуко).

⁸⁰ Полендвица (польск. *polędwica*, белор. *палендвіца* – филейная часть животного) – копченая говядина или копченое свиное филе в виде колбасы.

⁸¹ В неопубликованном очерке М. Ю. Конисская писала: «...еще живя в Ленинграде, она познакомилась у своей приятельницы Алисы Порет с Исайей Александровичем Браудо – известным органистом, знатоком и интерпретатором Баха. Это знакомство изменило ее судьбу. Такая женщина, как Лидочка, не могла не поразить Исаяю. И он добивался ее со всей изворотливостью своего утонченного ума. Музыка, которую она так любила, теперь входила в ее жизнь во всей своей силе. Когда Исаяя в начале войны эвакуировался из Ленинграда в Молотов (Пермь), он начал настойчиво призывать ее к себе. И Лида оставила Юрия, взяла дочь Гулю и уехала к нему» (архив Е. Г. Щуко). Вероятно, этот очерк предназначался для книги воспоминаний, отдельные очерки из этой серии о друзьях – И. В. Щеголевой, Евгении Шварце, Алисе Порет, Данииле Хармсе были напечатаны незадолго до смерти автора, см.: *Конисская М. Ю.* Вокруг океан бедствий. А мы смеялись // *Общая газета.* 1995. 6–12 июля. № 27 (103). С. 16.

⁸² *Шеломов Николай Павлович* (род. 1908–?) – архитектор, окончил архитектурный факультет ВХУТЕИНа.

⁸³ *Радлова Лидия Николаевна* (1913–1999) – астроном-исследователь, ведущий российский специалист в области астрономии; дочь Н. Э. Радлова; организовала ряд выставок, посвященных творчеству отца: «Кривое зеркало. Шаржи и карикатуры XX века» (Музей А. Ахматовой в Фонтанном доме, 1992), «Николай Радлов. Из творческого наследия» (Отдел эстампов Российской национальной библиотеки, 1993) и др.

⁸⁴ Спектакль Ульяновского театра «Парень из нашего города» по пьесе К. М. Симонова пользовался огромным успехом, премьера состоялась в августе 1941 г., в первый сезон он шел на сцене театра 26 раз; в главной роли – актер и режиссер Павел Степанович Молчанов (1902–1977).

⁸⁵ *Козаков Михаил Эммануилович* (1897–1954) – прозаик и драматург.

⁸⁶ *Никитина* (урожд. Гацкевич) *Зоя Александровна* (1902–1973) – сербско-греческого происхождения, родилась в Одессе; работала редактором «Издательства писателей в Ленинграде», дважды подвергалась аресту – до войны и после войны.

⁸⁷ Частушка со слов И. В. Альтман приведена в посвященной ей публикации, см.: *Миринова Татьяна.* «Жить люблю по-прежнему страстно!» // *Вечерний Петербург.* 2015. 12 окт. № 186 (25455).

⁸⁸ *Уланова Галина Сергеевна* (1909–1998), *Вечеслова Татьяна Михайловна* (1910–1991), *Балабина Фея Ивановна* (наст. имя: Феона; 1910–1982) – выдающиеся балерины, солистки Мариинского театра оперы и балеты (в 1935–1992 гг. Ленинградского академического театра

оперы и балета имени С.М. Кирова – Кировского); в 1944–1960 гг. Уланова – прима-балерина Государственного Большого театра СССР.

⁸⁹ *Каменский Василий Васильевич* (1884–1961) – поэт-футурист, один из первых русских авиаторов.

⁹⁰ Имеется в виду Алексей Васильевич Каменский (1927–2014), впоследствии ставший живописцем и графиком, заметной фигурой московского неофициального искусства.

⁹¹ В конце 1930-х у А. В. Каменского вследствие тромбоза были ампутированы обе ноги.

⁹² *Снеткова-Вечеслова Евгения Петровна* (1882–1961) – балерина, с 1900 г. танцевала в кордебалете Мариинского театра, позднее преподавала в Ленинградском хореографическом училище.

⁹³ *Курганкина Нинель Александровна* (1929–2009) – балерина, балетный педагог; в 1947 г. окончила Ленинградское хореографическое училище им. А. Я. Вагановой, с 1947 по 1981 г. танцевала на сцене Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова (ныне Мариинского).

⁹⁴ *Чарская* (наст. фам. Чурилова, рожд. Воронова; 1875–1937) *Лидия Алексеевна* – детская писательница; имеется в виду ее исторический роман «Паж цесаревны» (первое издание: М.: Т-во М.О. Вольф, 1913).

⁹⁵ *Иогансон Борис Владимирович* (1893–1973) – художник, профессор; в 1958–1962 гг. президент Академии художеств.

⁹⁶ *Ляля Черная* (наст. имя Надежда Сергеевна Хмелева, урожд. Киселева; 1909–1982) – знаменитая артистка театра «Ромэн», танцовщица и исполнительница цыганских песен и романсов.

⁹⁷ *Афанасьев Андрей Николаевич* (1931–1990) – окончил Геодезический техникум, работал в геодезической разведке на Камчатке и в Сибири, позднее в ленинградском Гидропроекте.

⁹⁸ *Горбовский Глеб Яковлевич* (1931–2019) – поэт.

⁹⁹ См. вступ. статью.

¹⁰⁰ О дружбе Е. Л. Шварца с семьей Л. Н. Браудо см.: *Шварц Евгений*. «Телефонная книга» / сост. К. Н. Кириленко. М., 1997. С. 495–497.

¹⁰¹ *Завадский Юрий Александрович* (1894–1977) – актер, театральный режиссер, с 1940 г. и до конца жизни – главный режиссер театра имени Моссовета; с 1941 г. муж Г. С. Улановой.

¹⁰² Впервые: *Толстой Алексей Н., Щеголев П. Е.* Заговор императрицы. Пьеса в 5-ти действиях. Берлин, 1925. Пьеса была поставлена на сцене Московского театра «Комедия» 12 марта 1925 г., 19 марта 1925 г. состоялась премьера в Большом Драматическом театре в Ленинграде. В 1925–1926 гг. один из самых популярных спектаклей на сцене столичных театров.

¹⁰³ Правильно: смесь Черни-Клейншмидта – молочная смесь для искусственного вскармливания детей грудного возраста, состоящая из разведенного водой коровьего молока, с добавлением сливочного масла и сахарного сиропа, названа по имени немецких педиатров А. Czerny (1863–1941) и Н. Kleinschmidt (род. 1885).

¹⁰⁴ *Дилакторская Людмила Леонидовна* – архитектор, дочь архитектора Л. Л. Дилакторского; проектировала по преимуществу для Москвы.

¹⁰⁵ *Турчанович Марина Александровна* – режиссер, работала на московском радио.

¹⁰⁶ Т. С. Никольская во время войны находилась в эвакуации в Алма-Ате, работала на Мосфильме, была занята на съемках фильма С. Эйзенштейна «Иван Грозный», а ее сын участвовал в массовых сценах (сообщено Е. Г. Щуко).

¹⁰⁷ См. вступ. статью.

¹⁰⁸ Дом творчества композиторов «Сортавала» расположен на одном из самых живописных заливов Ладожского озера Кирьявалахти; создан в 1945 г.; под дом композиторов был передан памятник финской архитектуры – Дача аптекаря Яскеляйна (построена в 1935 г. в стиле финского романтизма).

¹⁰⁹ Композиторы: *Держинский Иван Иванович* (1909–1978), лауреат Сталинской премии 3-й степени (1950), заслуженный артист РСФСР (1957). *Клюзнер Борис Лазаревич* (1909–1975) – в 1948–1950 гг. заместитель председателя ленинградского Союза советских

композиторов. *Кочуров Юрий Владимирович* (1907–1952), лауреат Сталинской премии 3-й степени (1952).

¹¹⁰ *Пазовский Арий Моисеевич* (1887–1953) – дирижер, народный артист СССР (1940), лауреат Сталинских премий (1941, 1942, 1943), в 1943–1948 гг. художественный руководитель и главный дирижер Государственного Академического Большого театра оперы и балета.

¹¹¹ *Шлепянов Илья Юльевич* (1900–1951) – театральный режиссер и художник; заслуженный артист РСФСР (1933), дважды лауреат Сталинской премии. В 1944–1951 гг. главный режиссер Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова; поставил «Орлеанскую деву» П. И. Чайковского (Сталинская премия 1-й степени, 1946) и «Семью Тараса» Д. Кабалевского (Сталинская премия 2-й степени, 1951).

¹¹² *Пузырев Юрий Николаевич* (1926–1991) – актер театра и кино до 1948 г. работал в Большом драматическом театре, участвовал в массовке, в 1948 г. был зачислен в Школу-студию МХАТ, с 1958 г. – актер МХАТ.

¹¹³ *Блантер Матвей Исаакович* (1903–1990) – композитор-песенник советской эпохи.

¹¹⁴ *Зандерлинг Томас Куртович* (р. 1942) – немецкий и российский дирижер, сын известного дирижера К. И. Зандерлинга; окончил Специальную музыкальную школу при Ленинградской консерватории, в 1960 г. вместе с семьей переехал в Восточную Германию, где получил образование в Музыкальной академии Восточного Берлина.

¹¹⁵ *Юдина Мария Вениаминовна* (1899–1970) – выдающаяся пианистка.

¹¹⁶ «Девушка с веслом» – название скульптуры, выполненной И. Д. Шадром (1935 г., установлена в ЦПКиО им. Горького в Москве), позднее была перенесена в Луганск, на ее место поставлена скульптура Р. Р. Иодко «Женщина с веслом», эта же скульптура была установлена в ЦПКиО им. Кирова в Ленинграде (1952); название скульптур стало нарицательным для обозначения статей «гипсового соцреализма», которые украшали в советское время парки культуры и отдыха.

¹¹⁷ *Аишафи Мухтар Аишафович* (1912–1975) – узбекский композитор, дирижер, педагог, общественный деятель, народный артист СССР (1951), лауреат Сталинских премий (1943, 1952); его дочь – Мукаддима (1936–2013; востоковед).

¹¹⁸ Неустановленное лицо.

¹¹⁹ *Мравинская Ольга Алексеевна* (1903–1990) – первая жена дирижера Е. А. Мравинского.

Библиографический список

1. Б. Б. Малаховский / сост. И. В. Щеголева-Альтман. Л.: Художник РСФСР, 1978.
2. *Великанов А. А.* Дворец Советов: Создание невозможного. М., 2014.
3. *Голлербах Е. А.* Семейные ценности: Федор Сологуб в издательстве «Пантеон» // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации / сост. М. М. Павловой. СПб., 2010. С. 44–58.
4. Зодчие Москвы: XX век / сост. М. И. Астафьева-Длугач, Ю. П. Волчок, А. М. Журавлев. М., 1988. Кн. 2.
5. *Конисская М.* Злые годы // Новый мир. 1992. № 6.
6. Неизданный Федор Сологуб: Стихи. Документы. Мемуары / под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997.
7. *Полякова А. Л.* Минувшее проходит предо мною... М., 2010.
8. *Флейшман Л., Хьюз Р., Хьюз-Раевская О.* Русский Берлин: 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-PRESS, 1983.
9. *Эткинд М. Г.* Натан Альтман. Л.: Советский художник, 1971.